

Виктор Мишин

БОГИ ВОЙНЫ

ВОЕННАЯ ФАНТАСТИКА

Виктор Михайлович Мишин

Боги войны

Серия «Военная фантастика (АСТ)»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64880367

*Боги войны: АСТ; Издательский дом «Ленинград»; Москва; 2021
ISBN 978-5-17-136472-4*

Аннотация

Их службу обычно не видно. Об их существовании узнают позже, когда видят результат. Они в тылу, но всем нужны. Кто подавит вражеское наступление, кто уничтожит укрепленную огневую точку или танк противника? Они – артиллеристы. Боги войны.

Иван Некрасов, обычный молодой человек восемнадцати лет, живет в провинциальном городке. На дворе июнь 1941 года. Иван отправляется на фронт, но попадает вначале на курсы подготовки артиллеристов. Спустя несколько месяцев заряжающий тяжелой гаубицы Некрасов, наконец, оказывается на фронте. Впереди у него суровые годы войны, тяжелый труд и опасные испытания. А главное, Иван не местный, ведь он человек из двадцать первого века.

Как быть, что предпринять? Вопросов множество, а ответ для Ивана очевиден – воевать. Воевать так, чтоб не было стыдно смотреть в глаза предкам, рядом с которыми ты оказался.

Виктор Мишин

Боги войны

Иллюстрация на обложке *Владимира Гуркова*

© Виктор Мишин, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

* * *

– Мам, да все будет хорошо, что ты! – мягко положив руки на плечи уже немолодой женщины, высокий и крепкий парнишка прижал ее к себе. Нет, скорее, прижался сам, невольно задев головной платок, от чего тот соскользнул с головы женщины и мягко опустился на землю. Сколько сейчас таких парнишек и женщин? Сотни тысяч по всей стране, как бы не больше. И каждый говорит одни и те же слова. «Все будет хорошо». А сам думает о другом... Мысли только одни:

«Больно ли будет, когда в тебя стреляют?»

«Погибну или вернусь?»

«Не опозорюсь ли я?»

* * *

Сцена на железнодорожной станции маленького провинциального города выглядела со стороны уже привычно. Не первый день так происходит. Да, не первый, десятый, если точнее. Этот молодой парнишка, которому только два месяца как восемнадцать исполнилось, был я. Женщина, что,

плача, прижимала его, то есть меня к груди, моя мама. А провожала она меня на войну. Вокруг стояли, сидели сотни таких же матерей и сыновей. Простые люди, рабочие, колхозники, все как один сейчас тут, да и по всей стране сейчас все одинаково.

Это было первое июля тысяча девятьсот сорок первого года. Десять дней назад началась война. Фашисты напали на нашу Родину, и долг каждого мужчины – отправиться на эту войну. Только в фильмах в будущем показывали такие кадры, где парнишки весело, с задором прощаются с родными и едут на фронт. На деле же никто туда не хочет. Чего уж врать самому себе-то? Ну, кто-то, конечно, храбрится, улыбается, но что у них в душе? Все хотят быть героями, но умирать никто, а войны без этого не бывает. Ведь и я сейчас стараюсь просто не думать о том, как будет *там*. А будет страх, голод, холод, жара, смерть...

Откуда я взял знания о фильмах будущего? Так я не местный. Точнее, не совсем местный. Из будущего я. Живу в этом времени уже год. Работал в колхозе, механиком, ну ежели у меня знания такие, куда деваться? Зовут меня Ванькой, фамилие мое, как у поэта, Некрасов. Сюда попал... Даже и не знаю как. На работе был, что-то случилось, ураган был. Где-то что-то замкнуло, упало, и очнулся я в сарае в этом времени. Очнулся от того, что мне очень больно и тяжело в груди. Рядом суетятся два мужика, пытаюсь поднять какую-то приблуду от трактора. Завалило меня. Мне тогда

семнадцать было, но здоровья хоть отбавляй. Придя в себя полностью, я поднатужился, и втроём мы смогли поднять эту железяку, что лежала на мне.

– Ванька, живой? – кинулся ко мне один из мужиков, что спасал меня.

Ощупав сам себя и тряхнув головой, робко ответил:

– Да вроде.

– Как он упал на тебя? Ведь стоял же нормально? – не унимался мужик. Кстати, впоследствии он оказался моим отцом.

– Я не знаю, – пожал я плечами и медленно поднялся. Отец стоял рядом и смотрел обалдевшими глазами.

– Видал, Петрович, ни царапины! – батя реально был в шоке более глубоком, чем я.

– А то ж! – смачно ругнулся названный Петрович, это был второй помогавший мужик, и добавил: – Сам же такого богатыря вырастил!

А я вдруг только заметил, что оба мужика мне буквально по плечо, а еще то, что рука бати, лежавшая у меня на плече, какая-то маленькая. Скосив глаза вниз, затем в стороны, пытаюсь осмотреть себя, я чуть не охнул. Ни хрена себе *рама*! В прошлой жизни я был среднего роста и такой же комплекции, а тут... Позже в военкомате я узнал свой рост и вес, пока же мог только предполагать. Как оказалось, тело мне досталось знатное, аж гордиться можно. Метр восемьдесят восемь вроде не самый внушительный рост, но ширина плеч...

Да уж, если б были развиты мускулы, в смысле прокачаны, думаю, мог бы через несколько лет догнать Шварценеггера. Шучу, конечно, но фигура была очень впечатляющая. Про таких говорят – поперек себя шире.

– Это он от деда унаследовал, во мне-то столько роста нет, – пояснил батя. – Он и внешне-то вылитый мой батя. Вот уж был здоров как бык, вот и Ванька такой же. Отец на миноносце снаряды огромные в одну харю таскал, этот вон плуг поднял чуть не в одиночку. Коня нашего, Ваську, когда тот колено сломал в прошлом году, кто поднимал? Он.

– Да уж, знатного хлопца ты вырастил, Василий.

Вот так я появился в этом мире. Когда узнал, где я и в каком времени, обалдел. Год до войны, что делать, что делать? Я, то есть бывший обладатель моего нового тела, только закончил школу. Хотел учиться дальше, да отец настоял на моей работе. Пришлось согласиться. Мама позже спрашивала, не раздумал ли я в армию идти? Я удивился тогда, как это можно раздумать. Оказалось, я по секрету матери сообщил, что после срочной службы останусь в армии, хочу служить. Пока же помогал отцу, работал как все. У меня здешнего здорово получалось возиться с железками, чинил все подряд, прям как я в своем времени, вот и продолжил это занятие. Как-то быстро обо мне заговорили как о местном Левше. Реальность-то была такова, что уровень развития местной техники сейчас едва ли не в зачаточном состоянии. Все такое примитивное, аж жуть берет. Надо ли объяснять, что

у меня получалось буквально все.

Так, работая, я начал потихоньку писать то, что помнил об истории Великой Отечественной. Труднее всего было с конвертами, деньги все шли в семью, трудно было выкроить что-то для себя, но удавалось. Была мысль тайно отправлять бумаги в Кремль. Получат, не получат, дело десятое, но сам идти к ним не хотел. В той жизни много читал, много размышлял. То, что, придя к сильным мира сего, я больше оттуда не выйду, я понял быстро, поэтому и не шел. Не жаль тысяч жизней таких же парней? Очень жалко, но, думаю, я так больше пользы принесу. Не могу я ничего делать из-под палки, характер не тот. Да и не верю я, что кто-то воспримет меня всерьез.

Попутно с большим объемом работы я выкраивал время на свое развитие. В городе была хорошая библиотека, я туда записался и каждую неделю набирал кучу книг.

Не давал я отдыха и своему телу. Ведь знаю, как пригодится мне сила и ловкость. До МТС, где работал с отцом, было несколько километров от дома, с утра и вечером я преодолевал это расстояние исключительно бегом. Во время работы никогда не просил чьей-либо помощи, всегда все делал сам, да еще и другим помогал. Говорю, силушкой-то бог не обидел. Смастерил себе турник, примитивную штангу и скамью, качал мышцы, растяжку делал, грушу, ну, мешок с песком бил нещадно. Тело обретало черты спортсмена, уходила из меня та угловатость и мешкообразность, что была ранее.

Походка, все движения стали четкими, плавными, а не шалляй-валяй.

В семье я был последышем, у меня трое братьев и две сестры, все обычные люди, один я – переросток, как говорила одна из сестер, Верочка, ехидина такая, ужас! Зато как покрутить ее на руках, так первая. Беру их с сестрой Ниной на руки, сажаю на плечи и кручусь вокруг себя, для них как карусель. А вот с братьями мне не повезло. То ли они мне завидовали, то ли я прошлый им чего-то сделал плохого, но любви или еще каких-то родственных чувств они не проявляли. Всегда какие-то мрачные, даже озлобленные, они все работали на заводе в городе. Сестрички также уже трудились вовсю, одна на почте, вторая в больнице. Мама меня очень любила, постоянно норовила приласкать и сказать что-то теплое, но без лишнего фанатизма, а это мне нравилось. Я мгновенно полюбил ее как будто мою настоящую маму, может, еще сказалось то, что в той жизни я потерял маму рано, подростком, вот и хотелось почувствовать, что это такое – любовь матери. Было очень... хорошо, в общем, приятно, когда есть кто-то, кто тебя любит больше жизни. А мама любила именно так.

Из всей нашей огромной семьи на фронт не ушли только я, отец, так как инвалид, у него позвоночник был поломан, да один из братьев, Толик, у него также проблемы со здоровьем. Сестры, конечно, не в счет, хотя Верка, работающая медсестрой, вроде как намылилась на фронт. Остальные бра-

тъя уже отбыли. Самым первым ушел Семен. Еще двадцать третьего числа явился в военкомат и через два дня уехал. За ним, с разницей в день, отбыл Василий, теперь и я.

Появившись в военкомате, произвел неизгладимое впечатление на служащих. Просился в танковые войска, но обломали, сказав, что, куда попаду, они не знают.

Сегодня я, как и многие тут, прощался с родными на станции, отец вытирал скупую слезу в нескольких метрах от меня, а мама висела на шее. Как же жаль ее, да и батю, конечно, да что поделать. Лично они-то как раз выживут, Ярославская область в войне почти не пострадает, там будет несколько бомбардировок, огромных разрушений они не принесут, так что я был спокоен на этот счет. Но все же расставаться было тяжело.

Везли нас, а был целый эшелон, примерно человек пятьсот, может, и больше, куда-то на север. С нашего городка только два пути в западном направлении: или на юг в Москву, или на север в Ленинград. Значит, в Ленинград. Лежа на нарах в теплушке, просматривал те из записей, что не отправлял в Москву. Да-да, я много чего отправил. Идея, что глодала меня каждый день как технаря, это танки, самоходы, орудия. Я мечтал создать что-то такое, от чего фрицы, увидев, а точнее, прочувствовав на себе, обделались бы. А главное, конечно, не мечты, а знания, полученные еще в той жизни. В общем и целом было все равно, но жить хотелось, как-то, знаете ли, перспектив в этом времени гораздо боль-

ше. Да и просто жить интереснее, ведь здесь все сам, никаких компьютеров и смартфонов с интернетом, где так любит висеть молодежь двадцать первого века. Ведь дожили там до такого, что дважды два считают на калькуляторе, может, и переборщил, но почти так и есть. Здесь же, чтобы что-то сделать, нужно десять раз подумать. Собрался куда-то сходить – обдумай, чтобы не пришлось идти во второй раз. Поэтому люди этого поколения и были такими умными, что уже через несколько лет, несмотря на то что пройдут через такую войну, в космос полетят.

На сборный пункт в Бологое мы прибыли поздно ночью. Выгрузились, здесь уже вовсю начали осознавать все «прелести» армейской жизни. Нас очень грубо отчитали за то, что сразу не понимаем, чего от нас хотят. Ну а как иначе? Ведь среди молодежи и сейчас попадаются откровенные раздолбаи. А кто-то просто без образования, поэтому ведет себя как телок. Чуть позже нас всех пересчитали и повели в казармы, что располагались на выезде из города. Около четырех утра, уже светло было, нас, наконец, разместили на ночлег и приказали спать. Грубо сколоченные нары были вместо кроватей, ладно хоть доски тесаные, больше-то ничего. Положив сидор, что собрала мама, под голову, лег и стал размышлять. Продлилось это недолго, сон свое взял, и я вырубился. Кажется, что только глаза закрыл, а уже орут подъем. Вставали все очень тяжело, сказывались и усталость, и просто неподготовленность к такой жизни. Будившие были солдата-

ми с красными петлицами, орали и матом, и просто громко, весьма доходчиво. Новобранцы, будущие воины и защитники страны, бегали в одних трусах и майках, спотыкались, падали, за что получали новые ругательства вслед. Народа было много, как курей в курятнике, дважды споткнулся и я. Ох кому-то не повезло... У меня масса центнер, мало не покажется.

– Эй ты, слон! – слышался окрик рядом со мной, со спины. Обведя глазами других новобранцев, отметил про себя, что все уставились на меня. Повернулся. – Чего, не понятно, что тебя зовут? – один из прибывших по наши души красноармейцев выплевывал слова мне в лицо.

– А вам было бы понятно, назови я вас Моськой? – чего брякнул, я и сам не понял, просто сразу как-то ассоциация прошла с известными персонажами басни.

– Что? Каким таким Моськом? – Ой да, откуда тут басни кому знать? – Два наряда вне очереди! Пошел на выход, бегом!

– Не имеете права, я гражданский... – начал я и получил в ухо. Блин, пощечина какая-то. – Легче стало? Пар вышел? Тогда командуйте как следует, тогда и порядок будет.

Пощечина прилетела бы еще, да и не одна, не появившись в этот момент командир. Я так решил по его виду. Впрочем, не ошибся.

– Ну что, бойцы, готовы Родину защищать? – громогласно рявкнул командир. Вот это правильный клич, а то эти при-

перлись и орут, как вертухай на зоне. Понтов много, толку ноль.

– Готовы, товарищ командир, – прокричала нестройно добрая сотня глоток. Да, среди нас есть и такие, кто всерьез мечтает скорее попасть на фронт. Нет, я не трус, но научить будущих солдат стрелять и вообще воевать нужно? Ведь никто, включая и мое новое тело, в руках винтовку не держал никогда, что уж о большем говорить.

– Слушайте сюда, товарищи новобранцы. Сейчас на улице состоится построение вашего батальона. Затем каждый пройдет медкомиссию и собеседование. Анкеты, у кого есть, тоже принимаются, но все же военная комиссия будет разговаривать с каждым. Так как вас много, то, возможно, не всех примут сегодня. Придется потерпеть и несколько дней пожить в казарме. Распределять будут только после полного осмотра. Прошу приготовить документы, у кого есть, дипломы и грамоты. Все это поможет нам правильно определить для вас место службы...

Не знал, что так было. Интересно. Думал, на винтовку, топай и умри за Родину. А тут вон как. Даже порадовался за нас.

Надо ли говорить, что определили меня именно туда, куда я даже и не думал. Зато на этом месте меня видела наша Красная Армия, точнее, ее представители, и партия Ленина – Сталина. Не угадали, не в пехоту. Записали меня в артиллеристы. Как думаете, кем? Именно, подносчик снарядов к

гаубицам. Один из комиссии на осмотре даже пошутил:

— Ух, вот это воин. Да он же один сможет снаряды таскать, даже лошади не нужны!

Я только вздыхал и молчал, кто тут будет меня слушать? Да, рассказал о своей увлеченности техникой, но вот бумаги у меня только об окончании школы, так что подтвердить свои знания нечем. Да и не собирались тут чего-то подтверждать.

Остальных почти всех забрили в пехоту. Несколько человек были недоучившимися студентами, тех завернули, поедут доучиваться. Строго тут. Так что хоть и громко называлась эта комиссия, да итог один. Махра в основном.

Через два дня, то есть уже пятого июля, я и еще несколько парней ехали в вагоне-теплушке на север. В Ленинград. В этот раз места было гораздо больше, на весь вагон нас и было-то двадцать человек, против недавних пяти десятков. Доехали хорошо, с песнями и веселыми разговорами. На меня сначала смотрели настороженно, я-то привык, на меня все так смотрят, думая, что я какой-нибудь задира и драчун, но вскоре все уже смеялись над моими шуточками. А драться я тоже могу, с такой-то массой, да и технику я подтянул за год жизни тут, удар у меня такой, что кирпичи для меня как орехи. Вот ни грамма не преувеличил, разве что кожу с косточек содрать можно.

Ленинград встретил нас хорошей погодой и почти полным отсутствием страха в глазах людей. Еще бы, они ведь не зна-

ют, *что* им приготовил Гитлер. Так хочется спасти всех, но что я могу? Стоит только вякнуть, что я что-то знаю, меня, скорее всего, просто удавят где-нибудь в Большом доме или застрелят. Пожалуй, второе будет реальнее, удавить меня тяжело. Ну вот уверен я, что никто меня слушать не станет. Да еще если брякнуть, что Партии в будущем нет, что Союз развалили... ой мама, даже думать не хочу.

Меня и еще шестерых будущих бойцов доставили пешком в воинскую часть. Специально выбирали самых сильных и здоровых. Гаубичная артиллерия – это, я вам скажу, не детский сад. Видимо, предстоит мне в будущем пойти по пути деда. Деда этого тела, что я занял. Как мой новый батя говорил? Дед был на корабле подносчиком, вот и я теперь буду болванки таскать, только по земле.

По приезде отправили в баню и обрили наголо. Эх, у меня такая золотистая шевелюра была, да ладно, шучу я так. После помывки выдали белье и форму. Повезло, большие размеры были в наличии, даже треска не было при надевании гимнастерки, хорошо села, а обомнется, вообще красота будет. Пользуясь множеством плакатов на стенах, мы с ребятами быстро привели ее в соответствие с уставом. Уже в форме и почти похожих друг на друга, как и любые солдаты, нас отвели в один из свободных классов и выдали книжки с уставом и присягой. К утру нужно выучить последнюю, а устав зубрить столько, пока не будет отскакивать, как от стенки. Это так выразился старшина, что был над нами поставлен.

Да и вообще, устав в армии – настольная книга, всегда должна быть рядом. Если солдату делать нечего, он должен читать устав.

Присяга как-то незаметно пролетела. Да и была, в общем-то, формальностью. Война идет, какие тут церемонии. Я все удивлялся, ранее считал, что подносчик снарядов – это самая простая специальность у пушкарей, чему тут учиться. Оказывается, это не так и просто. Да, конечно, главное в этом деле – это физическая форма. Но и внимательность нужна, расторопность, мешаться под ногами нельзя. Расчет должен быть всегда при боеприпасах, чтобы не отвлекаться от боя. За ящичным проверять нужно, хорошо ли вытер снаряд. Также в мои обязанности будет входить и маскировка орудия. А вот это уже было не просто, но этому учили всех в расчете. Короче, учеба пошла, радовало одно – недолгой она будет. Хотелось, вот ей-богу хотелось учиться и быть специалистом. Тем более поощрялось изучение и смежных специальностей. У меня, например, обнаружился хороший глазомер. Попросился сам дать мне возможность освоить науку наводчика орудия. На удивление командиры пошли навстречу, и я стал учиться еще больше. Нравилось. Почему все же радовало то обстоятельство, что учеба будет недолгой? Так шагистика достала. Господи, ну зачем она в военное время-то? Мне что, маршировать с лопатой, роя укрытия для МЛ-20 или М-30? Вы серьезно, товарищи командиры? Спорить тут, конечно, никто не осмеливался, молчали

и шагали. Лейтенант, наш наставник по строевой подготовке, был просто повернутым на этом деле. Думаю, он даже в парадах участвует, эх ему нравится маршировать. А еще не нравились бравурные песенки, что заставляли горланить во время марша. Нет бы какую-нибудь «Катюшу», или еще что-то солдатское. Так нет, все чего-то о роли партии и большевиках. Да еще и бойцы у нас через одного с оттоптаннами ушами. Горланят, думают, чем громче, тем лучше, так лейтеха их еще и поощряет. Бездарь. Я серьезно, от этого бравого лейтенанта за версту тянет отглаженными портянками и галифе диаметром в метр. То ли дело наставники по технике. Мне достался расчет с опытом войны, финской, ущербной, проигранной, но войны.

– Слушай, Илья Муромец, – это меня так ласково звали в расчете, командиры все больше слоном или медведем, – ты чего ящики ставишь один на другой? Тебе крикнут нужный тип снаряда, а он у тебя в самом низу, как достанешь быстро? – Я поправлял, как считал удобным, и получал поощрение: – Вот, другое дело! – Видимо, на всякий случай я должен был знать и это, а так это обязанность ящичного, тот должен подать снаряд мне, а я его передаю установщику. Позже объяснили, конечно, что каждый в расчете должен уметь подменить своего товарища. Через пару дней, увидев, как я увлеченно изучаю свое дело, меня вдруг назначили заряжающим. Командир решил, что я лучше справлюсь с этой работой, так как силы у меня немерено, то для меня это бу-

дет проще, чем для уже назначенного человека. Того перевели в подноски, он, кстати, был доволен.

Очень понравилась работа с прицелом и маховиками. Гаубица – это, конечно, не ПТО, но тоже интересно. Просто я представил, как буду класть снаряды по скоплениям вражеских сил, и от этого получал удовольствие. Особенно после занятий по маневрированию. Думаете, на позиции нас трактор волокать будет? Три раза ха! Есть бойцы, они и должны тягать эту дуру под десять тонн весом. Разворачивать, перекатывать, все мы, ручками, ручками. Я вообще не удивлюсь, если мы и на позиции своим ходом пойдем, вместо тракторов и лошадок то есть. Эх, когда еще новую гаубицу-пушку изобретут да в армию пустят.

В расчете были еще двое таких здоровых, как я. Вместе мы даже умудрялись поднимать станины и сдвигали орудие, но ведь просто развернуть мало, его нужно откатить, разместить, как необходимо в данный момент, а это уже другая весовая категория. Для этого требовалась сила всего расчета.

– Красноармеец Некрасов! – Я вытянулся. – Ко мне! – на очередном выезде за город на учебные стрельбы явился капитан Фролов, командир дивизиона. Мужик немолодой, суровый, воевал и в Китае, и в Финскую.

Подбежав, вытянулся во фрунт, ожидая приказа. Командир, блин, да они все так делают, когда меня вблизи видят, осмотрел сверху вниз и дернул щекой.

– Завтра стрельбы. Они будут контрольными. Если хоро-

шо отстреляетесь, едем на фронт, а то и так уже засиделись, враг близко.

— Я понял, товарищ командир, не подведем! — в силу умений я быстро взял авторитет в расчете и считался, как ни странно, старшим. Да, командир орудия есть, но мямля он какой-то, толку, думаю, от него будет мало. Тупо повторяет за старшим командиром приказы, даже не понимая, наверное, что говорит. Не удивительно, впрочем, он ведь тоже недавно призван, всего на десяток дней дольше нас учится. Даже командир дивизиона просил командира нашей батареи подтянуть навыки командира орудия. О, блин, одни командиры кругом, плюнуть некуда, а еще и заместители есть. А вообще поощрялось, если в расчете бойцы с разными умениями, готовы подменить друг друга на любом номере. Конечно, я не рассчитывал командовать огнем орудия, все же я заряжающий, это не совместить. Но вот если встаю за панораму, тут я даже не слушаю, что мне пытается объяснить командир, навожу сам по команде, которую слышу от связиста, и попадаю туда, куда надо. Отмечено уже командиром батареи, и не раз. Сказался даже не глазомер, а умение быстро считать и работать руками на маховиках наводки.

Сегодня, седьмого сентября, после проведения контрольных стрельб, нам зачитали приказ. Он был простым и в то же время сложным. Простота заключалась в том, что и так было понятно: нужно защищать Родину. А вот сложность... Как ее защитить? Мы выдвигаемся ночью на фронт, орудия мы

приняли, их сейчас транспортируют на станцию для погрузки в эшелон. Поедем одновременно, ночью, чтобы избежать бомбежки. Едва огласили приказ, и мы, вычистив до блеска, свернули орудия по-походному, я понял наконец, что будет очень трудно. Оказывается, весь наш гаубичный дивизион, о котором так громко рассуждали командиры, это двенадцать МЛ-20 и две сотни мальчишек к ним в придачу, тут все были: и хозвзвод, и разведка, и технари. Много мы навоюем. Я надеюсь, хоть мы и тренировали прямую наводку, что до нее все же не дойдет. Тягачей у нас аж два, хорошо, что они вообще есть, а ремонтного взвода пока так и нет. Обещали, что он обязательно будет, но только не прямо сейчас. Мы вообще должны влиться в артполк по приезде, там нас распределят по дивизионам, в каждом будет батарея из четырех орудий. Ясно, что вся работа на нас будет, но все же могли бы и людей побольше подбросить. Полное отсутствие запчастей вообще убивало. Блин, а если колесо повредишь, не говоря о чем-то более серьезном? На себе восемь тонн тащить? Красота, блин.

Почему-то как только надел форму, страх ушел. Конечно, я отдавал себе отчет в том, что пока я еще не видел ни врага, ни фронта, но на душе как-то спокойно, что ли. А может, это вид наших грозных орудий так действует, экая дура стоит! Я похлопал по рукояти горизонтальной наводки и кивнул сам себе.

– Большой, чего задумался? – окликнули меня. Это Паш-

ка. Пашка-студент. Сбежал со второго курса ленинградского института и попал к нам. Он основной наводчик, я-то так, только освоил, а так мне снаряды заряжать. Грузчик почти, как меня еще назвать. Ну а на что мне надеяться было? В танк меня не посадят, я туда просто не залезу. В пехоте бы сгодился, так на ту же должность, поставили бы ящики какие таскать или землю копать. Я уже на третий день в учебке стал тихо ненавидеть свой рост и габариты. Сила есть, а толку ноль, – это обо мне. Я же чувствовал, что могу быть более полезным, так нет, извольте снаряды таскать. Но обижаться могу только на себя, сам ведь не захотел выходить на связь с энкавэдэшниками. Вот пришел бы, да хоть в милицию, и сообщил, что знаю много, так как из будущего я, скорее ведите меня к товарищу Сталину... Не, не смешно.

– Да вот, Паш, думаю, чего я не таким, как ты, уродился? – Пашка был маленьким, не в сравнении со мной, а действительно маленьким. Рост у него метр шестьдесят, тощий, кожа да кости. Но верткий, зараза.

– Сдурел, что ли? Ты ж у нас главная надежда! – Ага, блин, надежду нашли. – Ты ж в одиночку взвод немцев положишь.

– Каким макарон? Они что, подойдут и скажут – положи нас? – усмехнулся я. – Зато тебе куда угодно можно идти, в любые войска. А мне? Так и буду до Победы ящики таскать.

– Не грусти, авось и тебя поставят к прицелу. Ты ведь лучший в батарее. Просто они не могут тебя пока из заряжающих убрать, ты ж вон какой! И так ведь перевели, заряжаю-

щий – это гораздо ответственнее, чем просто подносить снаряд. А вообще, ты, я думаю, еще и командовать станешь скоро, ты вон какой умный.

– В том-то и дело, – вздохнул я, думая о своем.

Написал перед погрузкой в вагон письмо, успел даже отправить. Мама довольна будет, обещал писать чаще, нужно выполнять. Хороший она человек, я как-то сразу понял, вот и привязался к ней. Она абсолютно не выделяла кого-то из своих детей перед другими, как это любят делать отцы. Напротив, относилась ровно ко всем нам. Семка, старший брат, сильно ее ко мне ревновал, видно было, поэтому, наверное, у нас с ним были натянутые отношения. Поначалу, кстати, все на меня смотрели как с высокой колокольни, хотя это трудно, я ж всех выше. Просто после того случая, как я появился в этом мире или времени, не знаю точно, я ж другим стал. Родные это почувствовали сразу, как ни отмалчивайся. Но позже все привыкли, что я вроде как не от мира сего, да и перестали обращать внимание, привыкли, наверное. Прежний я хотел лишь одного – служить в Красной Армии, тяги к изучению предметов или наук у него не было совсем. Я даже начал было думать, что он был типичным для таких здоровяков лентяем и тугодумом, но это было все же не так. Помните, я о технике говорил? Вот тут парень был на своем месте. Я его переплюнул по умениям, но просто потому, что знаю больше. Объединившись в этом теле с Иваном Некрасовым, я получил все его знания этого времени и применял

на практике довольно успешно.

Поезд плелся, как побитый женой пьяный мужик ночью. Скорости нет, постоянные остановки, так ещё и штормит, качает, как на волнах, блин. Куда нас везли, было секретом, никто ничего не говорил. Так и вспоминается анекдот из будущего:

«Вы, товарищи солдаты, все потенциальные герои!»

«Почему, товарищ старшина?»

«Попади вы в плен, никому ничего не расскажете, потому как ни хрена не знаете!»

Хочешь – смейся, а хочешь – нет, но мы и правда не знали, куда нас везут. Ясно, что на фронт, да и направление, в общем-то, известно, на юг куда-то, но точно не знает никто. Думаю, нас где-то под Ленинградом и поставят, там скоро фрицы уже подойдут, сейчас все силы сюда бросают. Войска отступают, разгром за разгромом, когда еще что-то изменится.

Колеса мерно стучали на стыках рельс, даже убаюкивало как-то, расслабляло. Лежал и думы думал сквозь легкую дрему. Жалел ли я о том, что попал сюда? Нет, ни капельки. А если убьют? Ну, надеюсь, что это произойдет быстро, мучиться, конечно, не хочется.

За ночь мы успели добраться до места, повезло, бомбежки не было, но вот когда разгружались... Господи, я только сейчас и осознал, что я – на войне! Как же страшно-то, одуреть. «Лаптежники» налетели внезапно, никто ничего не слышал

и не видел. Зенитного прикрытия у нас не было, поэтому хлебали через край. Эшелон стоял на путях, платформа была только одна, короткая и узкая, и разгрузка шла очень долго. Мое орудие стояло третьим, но к одиннадцати утра даже до него не дошли. Очень долго. Первые бомбы упали перед станцией, повредив паровоз. Немцев было две пары, да еще и «мессеры» вроде летали повыше. Первая пара, как и сказал, ударила в начало эшелона, а вторая в хвост. Ехали мы прямо с орудиями, поэтому на момент разгрузки уже стояли возле насыпи. Убегали от воя немецких бомберов кто куда в надежде укрыться. Немцы же, поняв, что могут безнаказанно нас дербанить, стали методично нас уничтожать. Я просто одурел от увиденного. Как в кино, ей-богу. Эшелон превращался в пыль на глазах. Когда взлетел на воздух вагон со снарядами, я перекрестился. Как чувствовал, не залег где-то поблизости, как это делали многие, а отбежал подальше, хоть и страшно было бежать, это ж какая мишень! Когда все с насыпи прыгали, я сразу убежал к роще, метров за двести, так и то хлам, возможно, и осколки даже сюда долетали. Взрыв был такой силы, что образовалась огромная воронка, это мы позже увидели. Вой и рев моторов самолетов, взрывы, огонь, земля брызжет во все стороны, принимая в себя новые и новые снаряды и пули. Черт возьми, немцы, наверное, посмеиваются там, в воздухе.

Перевернувшись на другой бок, а то карабин сильно упирался в живот, лежа подо мной, я размышлял. Да, на это бы-

ло время, никто нас не поднимал, в атаку не бросал, все и всё понимали. Тупо ждали, когда у фрицев топливо кончится. Уцелевшие командиры предприняли попытку подойти к эшелону. Зачем?! И так все видно, нет больше эшелона. Зато своей беготней командиры спровоцировали немцев на новую атаку, теперь те работали пушками. Спустились и прошли на бредущем даже «мессеры» прикрытия. Понравилось им, вон как резвятся. А мы лежим, не в силах голову поднять. Немцы расстреливали не только эшелон, проходили и вокруг, пытаясь и нас пострелять, позже стало известно, что им многое удалось.

Окидывая взором то, что находится вокруг, просто столбенел. Казалось, время остановилось. Вижу, как лежит боец метрах в двадцати от меня, ближе к насыпи. Его грязная и уже порванная в нескольких местах гимнастёрка казалась мешком. Каски на голове нет, как и у меня, а по лбу, стекая, бежит капля пота. Не успеваю подумать об этом, как очередной грохот авиационной пушки, и прямо на моих глазах боец, которого я рассматривал, дергается от нескольких попаданий. Человека буквально разрывает изнутри, обратно на землю он падает сломанной куклой, как будто внутри солома, а не внутренности. Кровь, кровь кругом, просто реки ее, впитываясь в песок, окрашивают всю округу в красный цвет. Нет ни травы, ни земли, все красное, все смешалось. Даже подброшенная взрывом земля падает, будучи красного цвета. Вокруг стоны, крики, боль... Но все это тонет в новых и

новых взрывах, выстрелах и реве моторов.

Как же так, целый эшелон расхреначили с воздуха за пятнадцать минут? Я представляю, сколько таких, как наш состав, было и еще будет уничтожено. Мрак. Как в одной книге, в будущем, главный герой рассуждал? «Если бы это была игра, видя, сколько потеряли в самом начале, я бы уже перестал играть!»

Это ж, граждане, извините, ни в какие ворота. Стали подсчитывать убитых и раненых, охренели совсем. Из командиров остался лишь один лейтеха, командир батареи, и политрук. Это, кстати, в такой ситуации для них, наверное, даже лучше. Для убитых, я имею в виду. За такой разгром можно и трибунал заработать. А что? Запросто обвинят в том, что не обеспечили маскировку и оперативную разгрузку, вот и потеряли вверенное имущество. Захотят, вообще пособничество врагу припишут. Да, лучше в такой ситуации, наверное, и правда погибнуть.

А вот из нас, бойцов, на ногах могли стоять лишь двадцать семь человек. Остальные погибли или получили тяжелые ранения. С легкими почти не было, при такой-то бойне. Мертвые всех сильно напугали. Блевали все, я в том числе. Развороченные животы, грудные клетки, кажется, даже голову отдельно от туловища видел рядом с бывшей платформой, руки-ноги валяются везде, и лужи крови. Зрелище тяжкое, для любой психики. Хорошая половина бойцов намочили штаны, я был очень удивлен, что остался сухим. Страшно было и

мне, но вот удержался как-то, а рвало всех, повторяю. Никто никого не спрашивал о самочувствии, все какие-то отрешенные, а точнее, навверное, охреневшие. Бойцы растерянно смотрят по сторонам, не зная, что делать, осматриваюсь и я, но понимаю не больше других. Еще час назад была задача, приказ и все дела, а теперь? Да, что теперь...

Грохот, звон и скрежет металла, они как-то не располагают к спокойствию. А главное, ты ж не видишь ничего, как и что происходит, все на слух. А организм такая зараза, имеет способность бояться. Когда не видишь, откуда идет смерть, слух обостряется и начинает бешено стучать сердце. Тебе страшно, но даже просто поднять голову и посмотреть не можешь. Как не можешь и объяснить себе почему.

Лейтенант никак не мог прийти в себя и взять командование. Бойцы тупо бродили вокруг разбитого эшелона, не зная, что им делать. Я просто сидел на какой-то деревяшке и наблюдал за всем происходящим. Станция странная, одна платформа, и все. Никаких тут вокзалов не было, о чем вы, обычный такой полустанок. Так как нам не сообщали, куда везут, все были в растерянности от того, что никто не знал, что делать. Куда идти, как быть с ранеными? Полная задница.

– Товарищ командир, что делать-то? – наконец, нашелся кто-то и обратился к лейтехе. Поглядев в ту сторону, с удивлением увидел Пашку-студента. А я ведь грешным делом думал ему хана, – оказывается, живой.

– Я не знаю, бойцы. Нас вроде должны были встретить, а никого нет... – Лейтеха мальчишка совсем, чуть старше нас. Разве так отвечает командир?

– Так уходить надо, вдруг фашисты снова прилетят! – Пашка продолжал доставать командира. Вряд ли фрицы прилетят вновь, чего им тут делать? Специально лететь, чтоб добить два десятка оборванцев? Делать им больше нечего. Была крупная цель, они ее уничтожили, так что да, вряд ли полетят.

– А куда? – ничего лучше не нашел, чем спросить, лейтеха.

– Нужно добраться до ближайшей части, – в разговор вступил политрук.

– А где она, ближайшая часть? Вы вообще тут кого-то видите? – у лейтенанта началась истерика. А политрук молодец, соображает.

– Товарищ лейтенант, возьмите себя в руки...

– Да пошел ты, умный, что ли? Куда идти? К немцам? Мы ж не знаем, кто и где. Посмотри, что осталось от эшелона, ни бойцов, ни пушек. Кому мы нужны сейчас?

– Успокойтесь, товарищ командир, на вас бойцы смотрят, – на удивление спокойно ответил политрук. Он мне нравится все больше.

– Товарищ политрук, – решительно встал я и подошел к политработнику.

– Да, боец?

– Красноармеец Некрасов, заряжающий третьего орудия...

– Говорите, товарищ Некрасов.

– А у командира разве карты нет?

– Товарищ лейтенант, у вас есть карта? – тут же переадресовал вопрос командиру политрук.

– Наверное, – осекся тут же лейтеха. Начал хлопать рукой по планшетке и вскоре извлек на свет карту.

– Так посмотрите, у вас же должна быть обозначена хотя бы та часть, в которую нас везли. Это должно быть где-то рядом, ведь лошадей у нас нет, как бы мы орудия доставили на место?

Лейтеха стал долго что-то искать на карте, но толку не было. Политрук подошел к нему и склонился над картой. Видимо, быстро сообразил, потому как что-то шепнул на ухо командиру.

– Нужно идти в полк, – вообще без уверенности в голосе произнёс лейтенант.

– А как же раненые? – спросил опять студент, чего-то он разговорился. – Да и убитых бы надо похоронить...

Следующие три часа мы усердно копали землю и хоронили наших однополчан. Я все это время только и думал о том, сколько вот так людей закопают на этой войне. Это же потенциальные пропавшие без вести. Если документы, которые, опять же только с подачи политрука, начал оформлять командир, потеряются, кто узнает об этих бойцах и коман-

дирах? Господи, сколько же людей... Никогда, наверное, не смогу привыкнуть. Все время себя сам же одергиваю, знаю же, что погибнет в войну очень много, а осознать все никак не могу. Для меня прямо сейчас и один убитый – это много, а уж больше...

После похорон убитых политрук собрал команду из четверых бойцов и направил собирать все ценное, что осталось целым после бомбежки. Собрали несколько винтовок, патронов в подсумках, снятых с убитых. Еды не было, воды тоже, да ничего не было, если так разобраться. Теперь встала новая проблема. Как мы должны были тащить пушки, я так и не понял. Идти нам километров десять, если верить лейтенанту, а как нести раненых? Поискав в округе, нашли остатки брезента, которым были укрыты орудия. Сами-то пушки перекорежены, просто куски металла, а вот брезент слетел, видимо, теперь пригодится. Спустились с насыпи к роще, что стояла неподалеку, и нарубили толстых сучьев для носилок. Хреново было тем, что раненых около тридцати человек, а нас-то двадцать семь. Как утащить такую прорву народа, я не представлял. Выручил всех политрук.

– Товарищ командир, думаю, нужно отойти в рощу и встать там. А в полк послать кого-то из бойцов, чтобы вернулись с подводами. Смотрите, на карте, рядом совсем, деревня есть, может, раненых вообще туда удастся пристроить?

– А кто пойдет?

– Давайте я схожу в деревню, может, там что-то найду для

раненых? По крайней мере узнаю, где наши еще есть, – политрук вызвался сам, это он схитрил, конечно, – а в полк послать двух бойцов пошустрее, не так и далеко тут.

– Да, хорошо, – согласился лейтеха. Вроде начал приходить в себя, больше не дергается.

– Некрасов? – окликнул меня политрук.

– Да, товарищ политрук, – подошел я.

– Пойдешь со мной в деревню, может, что-то найдем для транспортировки раненых. Или туда их свезем.

– Есть, – отчеканил я.

В полк отправили двух ребят, один был Пашкой, мы на коротке перебросились парой слов, обрадовались оба, что живы. Шустрый малый этот Павел, быстро ребята доберутся до наших. Если они, конечно, там еще есть. Мы же с политруком направились по узкой проселочной дороге к деревне. Она была вроде как за небольшим леском, думаю, быстро обернемся. По дороге политрук молчал, ну и я не собирался с ним беседы вести. Нет настроения совсем. Приехал на фронт, вашу маман, топаю теперь незнамо куда. А сколько так протопали наши деды? От Москвы и Ленинграда, от Сталинграда и Курска? До самого, мать его в одно место, Берлина поганого. Сколько пар обуви стоптали, сколько мозолей кровавых натерли? В будущем даже те, кто равнодушен к прошлому и войне, не представляли себе такой картины. Просто это не представить, сидя в тепле и уюте. Много там развелось всяких либерастов, пишущих, орущих на каждом

углу о зверствах Сталина, тупости генералов и кровожадности энкавэдэшников. А что они знали-то? Ведь понять, как было, и то, что по-другому, наверное, не так просто. Достаточно поставить себя на место обычного деревенского паренька восемнадцати лет от роду, призванного защитить Родину. А что он может-то, этот паренек? Он жизни-то не видел, только-только бриться начал, а его в это дерьмо! Да и командирам не легче, опыта-то нет, связи нет, никто не подскажет, что и как, как тут воевать? Никогда еще в истории не было такой бойни, что назовут Великой Отечественной войной, и опыта, естественно, ни у кого быть не может. Наверное, столько и воевали, потому как нужно было научиться, запустить заново все производства, потерянные в захваченных врагом областях, выстроить всю систему. Как же жалко-то всех этих людей, ведь кому, как не мне, их жалеть молчаливо, с такими-то знаниями...

Деревня была цела. Даже удивительно, как немцы ее не разбомбили. Рядом летали, а сюда ни одной бомбочки не скинули. Здесь даже не суетился никто особо, живет деревня обычной жизнью, как будто и войны нет, даже странно как-то.

Встретили нас хорошо, в деревне оказался председатель колхоза, который расположен чуть дальше на север, в одном из сел. Быстро организовав деревенских жителей, в основном стариков, нам передали четыре подводы. Местные вызвались помочь, поехали с нами. Они же и перевезут наших

раненых к себе, окажут помощь, а позже отправят дальше в тыл. В общем, обернулись мы с политруком быстро, уже через три часа оказавшись возле разбитого эшелона. А тут... В общем, я наглядно узрел, что такое в эти годы особый отдел. Вовсю шла проверка, или допросы, уж и не знаю, как это назвать. Досталось и мне, но это был просто допрос. А вот лейтехе и политруку не повезло. Обоих строгий лейтенант из особого отдела увез куда-то почти сразу. Тот прибыл на «эмке», в ней же увезли и наших командиров.

Распекали нас недолго, все же мы простые бойцы. А дальше произошло вновь нечто, от чего не я один опять удивился. Нас просто оставили тут. Уехали все, кто нас только что допрашивал, не сказав ни слова.

– Эй, Большой, – окликнул меня вновь шустрый парнишка Павел.

– Чего тебе, Шустрый? – я так и назвал его, поддев в ответ.

– Чего делать-то будем? – он, кажется, не заметил мою подначку, настолько растерянным выглядел.

– Ты ж ходил в полк, там что-нибудь сказали?

– Да на нас сразу эти налетели. Кто, откуда, веди к командиру! Я, блин, даже и не видел толком никого. Одно скажу точно: часть не воюет, они, кстати, тут рядом, едва ли километра четыре будет.

– Ребят, – подумав, сказал я, вокруг меня уже собрались несколько человек, – видно, часть отступает, раз так близко. Я сам карту видел, дальше они должны быть.

– Я так и подумал, – в ответ кивнул Шустрый, – уже здесь подумал. Я орудий у них не видел, вот что меня смутило. Там ведь должен быть почти полк, без нашего дивизиона.

– Хреново дело, – заключил я. – Может, нам и не сказали ничего, рассчитывая, что полк скоро сам тут будет?

– Не знаю. Может, опять сходить? – Шустрый встал с земли.

– Пойдем вместе, – кивнул я.

Оставшиеся бойцы были какими-то растерянными и не проявляли участия в разговоре, хотя сидели все рядом. Люди были в полнейшем раздрае. Никто ничего не понимал, вроде на фронт ехали, а сидим возле разбитого эшелона, и никому до нас дела нет. Ситуация реально была непонятной и оттого еще больше злила людей.

Все же уйти мы не успели. Внезапно появился какой-то хрен на лошади, боец в смысле, и, не спешиваясь, прокричал:

– Это вы тут пушкарки? – Бойцы кивали, с интересом поглядывая снизу-вверх. – Идите туда! – конный боец указал в сторону, с которой мы и приехали. Туда, куда вели рельсы.

– Боец, куда это – туда? – бросил я.

– Пару верст пройдете по шпалам, там встретитесь с полком, точнее с остатками.

– Так чего, драпаем, что ли? – неуверенно спросил Паша.

– Немцы нас обошли, быстрее давайте, они скоро уже здесь будут! – и посыльный, а это был он, ускакал.

– Во млять! – выругался Шустрый и сплюнул в сердцах.

– Парни, пошли, – просто сказал я громко, чтобы все слышали, а сам был в таких же чувствах, как и Шустрый.

– О, командир нашелся! – буркнул кто-то недовольно.

– Я и не терялся! – отрезал я. – К фрицам хотите? Оставайтесь!

Никто, конечно, не остался, дураков нет. Поплелись, а затем и прибавили шагу. Жаль деревенских, особенно если там наших раненых найдут. Раненых тоже жалко, да только их, может, просто добьют, а вот гражданских... Спалят деревню к чертям собачьим, как пить дать сожгут.

Наше русское раздолбайство в полку меня не удивило вообще. Догнали мы часть, как и сказал тогда посыльный, через несколько километров. Ни орудий у них, ни техники, да и людей-то – одно название, что полк, даже на роту не потянем. На наше появление реакции ноль. Просто присоединились к толпе, по-другому и не назвать, да и пошли себе дальше. Почти сразу, как догнали, поступила команда свернуть с железки в лес, так как неподалеку в небе самолеты появились, так и пошли лесом. На первый взгляд, бойцов тут сотня, может чуть меньше. Жрать нечего, а мы ели последний раз еще перед отправкой, сутки назад.

К вечеру все бойцы, да и немногие командиры устали так, что просто падали с ног. Кстати, особистов тут не было, не знаю, куда увезли наших лейтенанта и политрука.

– Слышь, Большой? – на привале ко мне подошел Шуст-

рый. Он и так не отходил, но тут где-то бегал.

– Чего? – бросил я. Устал даже я, несмотря на свои ежедневные занятия бегом и физическую форму вообще.

– Командир тут не лучше нашего лейтехи, которого особисты забрали. Даром что капитан, толку ноль.

– Хорош, привлекут за болтовню. Выводы не нам делать. По делу есть чего?

– Я там возле них покрутился, говорят, сами не знают, что делать, – развел руками Шустрый.

– Придумают чего-нибудь, они ж командиры. Да и, думаю, сами куда-нибудь выйдем, не все же тут лесам да болотам быть. Где-то найдутся и люди, и командиры, те, которые будут знать, что делать.

Через пару часов возобновили движение. Жрать хотелось, хоть тресни. А мне-то еще и много нужно, да вот взять негде. Зря Шустрый грешил на командира, вел наш отряд тот вполне себе уверенно и к утру вывел. Это был большой поселок, бросилось в глаза многолюдье даже ранним утром. Нас просто остановили всех на окраине, а командир, со своим замом отправились в поселок. Не было их часа два. За это время люди расслабились, начали разбредаться. Мы с Шустрым тоже отошли, но буквально до ближайшего хозяйства с колодцем. Напились воды, умылись. Пришлось отвечать на неприятные и заданные с хмурым видом вопросы хозяев.

– Все бежите? – Я так и вспомнил старые фильмы, типа «Они сражались за Родину». Стало стыдно, хотя конкретно

мы вроде и не виноваты. Но не станешь же объяснять людям, что мы и до фронта-то не доехали.

– Нет, отступаем, – бросил Пашка.

– Как же так? – дядька, что спрашивал, был старым, как динозавр, но с таким хитрым прищуром, что становилось не по себе.

– Орудия, дед, немец разбомбил, артиллеристы мы, – вставил я.

– Далеко ли немец-то?

– Рядом уже, – хмуро ответили мы и, поблагодарив за воду, ушли. Дед еще долго стоял и смотрел нам вслед. Что было у него в мыслях? Скорее всего, ничего хорошего. С народа на армию налоги всегда драли, а толку? Пришел вот враг, а армия бежит и ни хрена не может сделать. Ведь гражданским-то обидно вдвойне. Это нас или убьют, или отступим. А им каково? Враг придет, хозяйства разорит, баб насильничает, мужиков и стариков перебьют. Им это надо? Вот и спрашивают с нас, так как имеют полное право спрашивать. Эх...

Когда вернулись командир и его зам, новости были не очень радужные. Нам приказали двигаться на запад, пересечь село и присоединиться к полку, который и был расположен поблизости. Полк пехотный, на все увещевания командира о том, что мы вроде как артиллеристы, ответили просто:

– А где ваши пушки? Нету, вот и будете теми, кем можете! – Это так рассказал один из сержантов, которого постави-

ли рулить нашим взводом. Да, нас, оставшихся от дивизиона, просто сделали стрелковым взводом. Хорошо хоть винтовки у всех были, правда патронов почти нет, обещали помочь.

Все же не все из остатков нашего полка стали пехотой. Оказалось, у стрелкового полка были аж четыре «сорокапятки», но в расчетах людей не хватало, вот из наших и добавили, сделали противотанкистами. Ну, а все остальные да, стали стрелками. Патроны и правда получили, но это уже было не главным. Нас наконец покормили. Вот уж ребята порадовались, а на меня повар смотрел косо, и когда я подошел к нему во второй раз, отрезал:

– Добавки не будет!

Остался я, можно сказать, голодным. Я все больше и больше злился на свои габариты. Ну что я, виноват, что ли, что для меня обычная норма – мало? Должны больше давать, помню по учебке, но тут не учебка, сколько дали – и то хорошо.

Было грустно и скучно, что ли. Вокруг люди суетятся, а я разглядываю их и не понимаю, чего суетиться, все одно не успеем подготовиться. На запад от села было большое поле, сейчас убранное и голое, так вот где-то за ним, далековато пока, уже виднеются дымы. Хреновые это дымы, как мне кажется. Да и не кажется, танки там идут. Что ж, похоже, тут я и лягу... Жаль, если войду в число тех, кто становился статистикой и погибал в самом начале войны. Гибли ведь не от того, что плохо воевали или трусили. Тут много что сложи-

лось не в нашу пользу. Оружие, боеприпасы, всего очень мало. Нет никакой поддержки с воздуха, нет зениток, о танках и вовсе не вспоминаю. Да, жаль становиться статистикой.

– Чего хмурый такой, Вань? – подошел ко мне Шустрый.

– Да с чего веселиться-то, Павлуха? – махнул рукой я. – Ты от штаба? – Он всегда трется поближе к начальству, говорит, любит быть в курсе дел.

– Окапываться приказывают, ячейки будем рыть. Фрицы вряд ли успеют до темноты подойти, а ночью они не воюют.

– Они хоть определились, где копать-то? – обвел я округу взором.

– Да, сейчас сержант прибежит, покажет.

По приходе сержанта нам поставили боевую задачу. Отойти в сторону на полкилометра, там возле леса идет дорога, вот возле нее и окопаться. Возможно, что вражеские войска пойдут по ней, нам приказано их не пропустить. Всего-то? Да раз плюнуть! Нас ведь здесь целый, мать его, противотанковый полк, а не взвод бойцов с винтовками. Ладно хоть нас туда все же в составе роты отправили, а не одних. Наехали дружно на сержанта, заставив того бежать в полк и выбивать гранаты, хотя бы простые противопехотные, если нет противотанковых.

Начав рыть ячейку, выбрали себе с Шустрым удачное местечко, низина, но наступающие солдаты противника будут вынуждены в нее спуститься, чтобы пройти, думаю, удачно устроились. Копать было несложно, несмотря на прошедший

час назад дождь. Земля тут была песчаная, рылось легко. Не сговариваясь, копали окоп, чтобы можно было перемещаться и хоть как-то менять позиции. К нам присоединились еще трое бойцов из нашего же бывшего дивизиона, все были с моей разбитой батареей. Выкопали ров глубиной в метр и протяженностью десять, когда наступил вечер. Фрицы так и не подошли, за что им спасибо. После ужина, в этот раз накормили, наконец, досыта, пошли с Шустрым к окраине леса и нарезали травы, чтобы присыпать ею наш окопчик. Уже было темно, когда пришли какие-то хмыри из штаба, обходили позиции и сделали выговор за неуставной окоп.

– Что, отсидеться решили? – спросил один из них. Такая наглая рожа, так и хотелось в нее плюнуть, или ударить! Надо признать, в этот раз мои габариты нам помогли. Когда я, распрямившись, вылез из окопа, хмырь с нарукавными шеvronами даже отшатнулся. Еще бы, он меня на две головы ниже и раза в три тощее.

– Бой решит, кто будет отсиживаться, а кто воевать, товарищ командир, – просто сказал я. Проверка молча удалась, а парни благодарно похлопали меня по плечам. А мне позже придется расхлебывать свою наглость. Но это будет позже. Пока же мы, обустроившись, готовились по очереди спать. Ну а чего сидеть, глаза драть, у немцев тихо. Пашка сбегал к сержанту узнать обстановку, тот поведал, что фрицы встали на ночевку в трех километрах от нас. Местность там понижается, поэтому их и не видно.

Спал первым, так как всегда рано вставал, поэтому под утро мне легче не спать. Отдохнул хорошо, даже выспался. Два бойца, что бдели до меня, отправились на боковую, а я, умывшись из фляги, вылез из окопа и отправился к лесу. Тут рядом, всего несколько метров пройти. Опорожнившись, вернулся и застал нашего непосредственного командира. Сержант распекал Шустрого, мы с ним дежурили вместе, за то, что меня отпустил.

– Мне что, в штаны валить? – чуть зло спросил я.

– Прикажут, будешь и в штаны, – еще более злобно ответил сержант.

– Я человек, а не скотина, – ответил я.

– Ты чего такой борзый? Нагрубил товарищу комиссару, мне дерзишь, устав забыл? Так я напомним.

– Не трудитесь, товарищ командир, утром мы забудем об уставах...

Не понравился мой ответ сержанту, ой не понравился. Да мне и наплевать, если честно. Мы тут ляжем все завтра, чего я ж буду язык в заднице держать? Клал я на них вприсядку, уставники хреновы. До Москвы со своими уставами драпать будут. Черт, разозлили все же.

А приходил сержант вообще-то по делу. Нам гранаты дали, нужно было идти получать. Разбудили двух бойцов, что спали дольше других, а сами с Шустрым отправились вслед за сержантом. Получили гранаты, бутылки с зажигательной смесью, и, увидев на складе мины, не удержался и выпросил.

Представьте, дали. Четыре противотанковые дуры и десять противопехотных, да мы богачи! Правда, долго пришлось объяснять, откуда у меня, заряжающего из расчета гаубицы, знания по минному делу. Как будто они есть. Выкрутился, сказав, что научили в учебке. Не проверишь ведь сейчас, так что отбрехался. Таскали долго. Для меня груз был нетяжелым, но габаритным, за раз не упрешь все, но перетаскивали. Правда, с минами вот еще какой затык вышел. Если вдруг танки пойдут не на нас, то могут приказать снимать их в спешке, а это жопа. Как они себе это представляли, я не знаю.

– Дорога тут одна, поле раскисло после дождя, так что, Паш, не бойсь, снимать не придется, – успокаивал я приятеля, – здесь они пойдут, здесь. Главное, чтобы немного их было, глядишь, и отобьемся.

– Ты правда сможешь их поставить? – чуть недоверчиво спросил Шустрый.

– Да поставлю, не бойсь, это не трудно на самом деле. Важнее всего замаскировать как следует, но в грязи это тоже не станет проблемой. А вот предугадать, куда их воткнуть, тут да, пойдем, подумаем.

У немчуры пока тихо, спят еще, так что гуляли мы спокойно. Присмотрев то, что хотел, я улыбался. Перед нами был хороший распадок, загони немцев сюда и закупоривай дорогу. Если залезут, то им в борта смогут стрелять орудия справа от нас.

Когда мы вернулись, нас ожидала комиссия. Вновь был

сержант, разговаривающий с комиссаром, и кто-то званием постарше.

— Где шляетесь? — был первый возглас в наш адрес. Исходил он от нашего сержанта.

— На передовой не шляются, товарищ сержант, а осматривают местность, согласно уставу! — Сержант аж покраснел от злости. Что ж, он сам выбрал стиль общения, нехай расхлебывается.

— Вот, товарищ капитан, видите, абсолютно ненадежный боец, дерзит, приказы не выполняет... — тут же начал петь комиссар. Господи, да ему-то какая разница, как мы тут и что? Странно, конечно, что он вообще командиру докладывает, а не шлепнул меня сразу.

— И в чем же моя ненадежность? — вновь открыл рот я.

— Так это ты, боец, мины выпросил? — задал мне вопрос капитан, не обращая внимания на комиссара и протянув мне руку.

— Я, — кивнул я и пожал руку командира.

— Молодец. Немцы, я думаю, именно здесь и пойдут. Полковая разведка ночью ходила через поле, говорят, там не проехать по пашне, дорогой пойдут. Так что ты прав, — капитан вызывал уважение с самого начала. Вроде нормальный командир.

Комиссар тут же сослался на занятость и свалил, а сержант просто стоял с растерянным видом. Капитан прошелся вдоль окопа, поговорил с бойцами.

– Можно было бы еще чуть продлить, но уже некогда. – Блин, я как чувствовал, хотел еще в сторону леса прокопать, но усталость сказалась. – Где мины думаешь ставить?

– Товарищ командир, если вы подскажите, будем рады.

– Сержант, – тут же обратился капитан к нашему горе-сержанту, – дуй на склад, к старшине, пусть выдаст несколько кусков веревки. Только подлиннее.

– А он даст?

– Скажешь, я приказал! – строго сказал капитан.

– Товарищ капитан, а зачем веревка? – спросил я, хоть и представлял на самом деле зачем. Просто опыта такого у меня нет, как и полных знаний.

– К минам привязать, – пояснил командир. – Можно будет прямо отсюда их под танки подтягивать, тогда точно сработают как надо. Мы на финской такое видели, у финнов, конечно, ну и переняли.

– Это как? – мы аж засветились с Пашкой.

Капитан быстро, указывая на деревья, расположенные близко к дороге, объяснил нам, как именно можно подтаскивать мину к движущемуся танку и по крайней мере повредить ему ходовую часть.

Паша, стоя рядом, засиял так, словно нашел зарплату, потерянную по пути домой. Видимо, сложив все за и против, он решил, что у нас есть шанс отбиться. Зря он, наверное, радуется, ведь мы даже не знаем сил противника. Но он еще вчера в этом сомневался, а теперь почувствовал надежду.

– Это ловко придумано, шансов устоять теперь у нас перед врагом больше, – заметил я.

– Молодец, товарищ Некрасов. Выражаю благодарность за самостоятельность. А мин я тебе еще пришлю. Тут, я так думаю, самое опасное направление, надо обложить все как следует.

– Товарищ капитан, тогда и рядом нужно. Ведь если один, ну два танка подрываются, то немцы наверняка отвернут в сторону. Вот там и сделать еще подарок, – теперь уж и сам додумывал.

– Толково мыслишь, только я это и сам понял, ты здесь делай дальше, мы уж сами.

Надо заметить, комиссар потерял к нам интерес совсем, а сержант, орущий на меня до этого случая, вообще охренел и боялся теперь подходить.

– Паш, надо обочину, что у леса, противопехотками засеять, если фрицы пойдут с поддержкой, то там им сюрприз будет.

– Ты только подскажи как, чтобы самому не взлететь на воздух, а я поставлю, – Шустрый также был впечатлен расположением командира. Еще бы, нам доверие оказано, надо соответствовать. Ведь если облажаемся, капитан первый скажет, что он тут ни при чем.

– А вот сейчас посмотрим все, да и сделаем, – кивнул я, – пойдем.

Вокруг было тихо, только звуки окапывающейся пехоты,

но это нормальные звуки.

Мины мы ставили долго, еще и от командира прислали десять штук и двух саперов. Ставили почти все они сами, мы лишь помогали. Из этих дополнительных мин нам дали поставить половину на своем участке, а половину капитан попросил поставить возле оврага, что тянулся правее наших позиций. Там тоже было удобное место для танков, вот и пришлось поползать. Хорошо хоть не под огнем противника, который около восьми утра внезапно начал обстрел. Значит, разведку фрицы провели, а мы и не заметили. Немудрено, конечно, местность более или менее открытая, а у немцев опыт огромный, могут так спрятаться, что и не увидишь. Самое хреновое в этом то, что враг может незаметно для нас корректировать огонь своей артиллерии, а мы будем, как лопухи, сидеть под огнем и сделать ничего не сможем.

Ударили фрицы по нам нашим же оружием. В смысле по артиллеристам ударили пушки. Ох и страшно же стало, мама дорогая. Я лежал в нашем окопе и, блин, молился я. Перед глазами стоял образ матери, провожавшей меня. Кажется, она тогда уже чувствовала, что со мною будет. Земля летала, падала, вновь устремляясь в небо, и так много-много раз. Грохот стоит такой, что не слышно вообще ничего, что делается вокруг меня. Только чуть высунешь голову над бруствером, сверху падает земля, и ты еще глубже забираешься в окоп. Не хочется думать, что будет, если снаряд или мина упадет прямо в окоп. Думаю, я уже не узнаю, что это было.

Долбили немцы долго, не меньше часа. Наш окоп частично разрушился и обвалился, но все же мы могли и дальше в нем укрываться. Когда стихли звуки разрывов гаубичных снарядов, бойцы начали переключку и откапывание самих себя. Но дрожь земли наглядно показывала, что для этого не время. Высунув голову наружу, сразу же убрал ее назад. Танки. Немного, но и этого достаточно, чтобы пройти по нам катком. Как фрицы всегда и делали. Вот черт, почему капитан не догадался разместить орудия в лесу? Подпустив поближе, они могли всерьез вломить противнику в подставленные борта, но вот не поставили. Танков было восемь, и были они пипец как близко. Я впервые в такой ситуации, страшно, в голове пульсирует только одно – что делать?! И это очень здорово сказывается на соображении. Голова просто не думает ни о чем, взгляд прикован к немецким «панцерам». А вблизи они действительно страшные, это не на картинке или в игре. Железная гробина ползет, вибрация идет волной и разносится далеко, заставляя людей бояться и искать укрытия, а не воевать.

– Ванька! – крикнул Шустрый.

– Чего? – ответил я, поняв, что немного оглох.

– Мины ведь совсем близко к нам?

– Нет, ты забыл, что ли? – удивился я.

– Я чего-то уже вообще не соображаю. О, наши начали!

Действительно, ударили одна за другой две пушки. Не понял, их же четыре было? Пытаясь наблюдать и за танками, и

вправо на позиции пушкарей, я понял, что пушек у нас всего две и осталось. Танки повернули башни и, чуть сбавив ход, начали стрелять в ответ.

«Ну, без остановки вряд ли попадете, это не компьютерная игра!» – мелькнуло у меня в голове. И точно, пушки продолжали стрелять и вскоре даже остановили один танк. Немецкий Т-3 сначала провернулся на пол-оборота, подставляя борт, а затем полностью остановился. Его товарищи принялись стрелять прицельнее, для этого им пришлось останавливаться. Наши артиллеристы повелись на легкую добычу и двумя снарядами подорвали все же подставившийся танк, но это были их последние выстрелы. Немцы, остановившись, прицельным огнем всех своих машин тут же уничтожили нашу артиллерию. Результат я не видел, но пушки более не стреляли. Вряд ли расчеты отошли, скорее всего, погибли там все. Правильно говорили о них, ствол длинный – жизнь короткая.

Я высматривал первые мины, у немцев появилась пехота. Раньше они были скрыты за танками, а теперь смело вышагивали рядом с танками. Послышался приказ:

– Пехоту, пехоту отсекайте, вашу мать!

Кричал явно капитан, недалеко где-то сидит. То тут, то там начали раздаваться винтовочные выстрелы. Я тоже пару раз выстрелил, оказалось, у меня винтовка кривая, а я и не заметил. Просто с расстояния в двести метров не попасть в цель и промахнуться на целый метр – надо постараться. Я

четко увидел, куда прилетела моя пуля, это был танк, а не шагающий рядом солдат вермахта. Стрельба редкая, поэтому вряд ли я ошибся. Попытался настроить прицел, но понял, что тщетно.

– Паш, у меня винтовка испорчена, стреляет в сторону...

– Да хрен с ней, бросай, я тебе сейчас новую притащу! – И с дальнего конца окопа, спустя несколько секунд, прибежал Шустрый с винтовкой.

– Где взял?

– Сержанта нашего того, убило, в общем. Его винтарь.

– Вот как, – покачал я головой, – быстро его. Винтарь-то не повредили?

– Сейчас и нас, если танки дальше пойдут, – буркнул Пашка.

– Пойдут, куда они денутся.

Мины у нас лежат от сорока до шестидесяти метров от окопов. Длиннее веревок не нашли. Да и то, на веревках-то всего четыре штуки, остальные так лежат. Первой рванула именно та, что была не «привязана». Рванула удачно, танк сразу запылял, куда ему там так попало, не знаю. Остальные даже не заметили потери товарища и продолжили ехать вперед, не снижая скорости. Когда встал еще один, немцы прозрели. Сбросив скорость до минимума, они стали расползаться в стороны.

– Вот дурачье, мы вас там и ждем! – я рванул по окопу влево.

Схватив крайнюю веревку, я стал быстро ее тянуть. Вербка, перекинутая за деревом, натянулась и потащила за собой взрывающийся сюрприз. Танк почти объехал ее, когда последним рывком я успел все же затянуть ее под гуслю. Рвануло почти мгновенно, меня аж осыпало землей, близковато. Гусеница сползла, дым мешал дальше смотреть, да и не до того было, но танк остановился и молчал. Шедший рядом еще один такой же Т-3 шарахнулся в сторону и напоролся на еще одну привязанную мину. Вновь взрыв, на этот раз видел, как отлетел каток, и танк встал. Прикольно, если честно, не ожидал такого. Смотрится как в кино, только с эффектом полного погружения. Мы смотрим на танки, а вокруг пули свистят да земля летит.

Я давно обратил внимание на идущий последним танк с большой антенной, так что заметил, что тот стоит. Внезапно фрицы остановились и, включив заднюю передачу, поползли к своим позициям. Ага, не привыкли получать. Ну да ладно, приходите еще.

– Ванька, чего они? – подбежал Шустрый.

– Сейчас опять пушками долбить станут, шутка ли, три танка потеряли, не дойдя до наших позиций. Так что держи штаны.

Снаряды вновь посыпались нам на головы, но было уже чуть легче. Мы ждали этого, поэтому и не испугались. Артподготовка на этот раз была короткой, от силы минут пятнадцать. Странно, что у немцев тут всего восемь танков было,

я думал, будет больше. Раз есть тяжелая артиллерия, значит, и солдат там много. Как бы не дивизию на нас кинули.

И тут, блин, мне «повезло»...

— Боец? — окликнули кого-то из нас справа. Оглянулись оба с Пашкой. — Да, ты. — Паша ткнул себе в грудь пальцем, и капитан, а кричал он, кивнул: — Иди сюда.

Командир лежал сверху и смотрел к нам в окоп. Павел ужом мелькнул мимо меня, и я услышал:

— С нами только что связались наши артиллеристы. Сзади гаубичная батарея подошла, в четырех километрах, им нужны координаты противника. Идешь в разведку. — Странно это, там же свои разведчики-наблюдатели должны быть, да и командиров никто не отменял.

— Товарищ капитан, так я ж не умею... — растерялся Шустрый.

— Такой шустрый и не сможешь? — О, и командир подметил Пашкину шустрость.

— А что делать-то нужно? — мой товарищ явно расстроился.

— Нужно разведать позиции врага, видишь, там горка, за ней они и формируются. Смотри на лес, — указал капитан рукой, — метров через двести хорошая возвышенность и кусты, оттуда тебя не заметят. Ползешь, находишь врага и передаешь координаты.

— Товарищ командир, — смутился Павел, — так я не умею. Надо ли говорить, что тут я высунул язык...

– Я пойду, товарищ капитан, – сплюнул я от злости на себя.

– Некрасов, ты такой здоровый, не пройдешь, заметят! – фыркнул командир.

– Я чуток в лес заберу, глядишь, и пролезу.

Шустрый смотрел на меня с удивлением и одновременно с благодарностью. Куда меня несет? Нет, я отлично понимал, что это наш шанс. Это еще в учебке проходили. У нас могут быть хоть самые огромные стволы, но без разведки они ничто. Куда стрелять?

В лес я углубился метров на тридцать, кустарник, хоть и почти голый, скрывал нормально. Плюс дым от горевших танков помогал, стелясь по полю. Телефон, что мне выдали, здорово мешал. Точнее, приходилось внимательно следить за катушкой, разматывая провод, чтобы его не повредить. К позиции я вышел удачно, а точнее, вовремя. Немцы как раз выстраивали танки на дороге и готовились к рывку. Я уже хотел было кричать в трубку координаты, карта у меня также была, как в небе что-то засвистело, и на наши позиции обрушились мины. Вот гадство, они еще и из минометов причесать решили. Где же они? Леса со стороны фрицев не было, ближайшие деревья в километре. Но позиции минометчиков я не видел. Сделал вызов в трубку телефона и услышал в ответ:

– Какого хрена ты там тянешь? Данные давай!

– Я не вижу минометы, хорошо укрыты, – попытался

оправдаться я.

– Да клал я на них впрысядку, танки где? – на том конце провода шутить явно не желали.

– Я не могу определить расстояние, не командовал раньше, а если по квадрату?

– Тебе дали карту? Ну так и давай квадрат, быстрее, там сообразишь потом!

– Квадрат четыре, по улитке шесть, один снаряд... – тут я сориентировался.

– Лови! – был ответ, и спустя несколько секунд рвануло прямо перед позициями танкистов противника.

– Не знаю, сколько вы поставили, давайте дальше сто, по фронту ноль. Беглый! – кричал я в трубку, а сам аж улыбался. Мне это чертовски понравилось.

– Ну у тебя и команды! – услышал я в трубке. А чего? Как знал, так и командовал. А, пофигу, поняли, и ладно. Я ж не знаю, где батарея, какой прицел стоит. Если бы они мне сообщили после пристрелки, я бы дал им точное расстояние.

Восемь тяжелых снарядов, не знаю, какого калибра, начали падать с неба с приятным уху свистом. Грязью и дымом заволокло мгновенно всю ложбину, в которой укрывались немцы.

– Вижу огонь и дым. Есть попадание.

И тут меня хлопнули по плечу. Как же я вздрогнул, кто бы знал!

– Вань, командир требует уничтожить минометную бата-

рею, немедленно! – Пашу прислали для связи. Все это хорошо, но не знаю, мать их за ногу, где эти хреновы минометы! А сейчас еще и не видно ничего.

– Млять, куда стрелять? – выругался я вслух.

– Смотри, правее дымов немцы копошатся, может, там? – вдруг подсказал Шустрый.

– Даже если и не там, все одно нашим помощь, – буркнул я. – Вправо шесть-ноль, прицел дальше на двести метров, один снаряд! – прокричал в трубку. Спустя полминуты прилетел поросенок и взметнул столб грязи и воды почти там, куда указал мне Паша.

– Ванька, правее надо...

– Вправо один-ноль, прицел прежний, два снаряда.

Не успели упасть новые снаряды, как я уже кричал поправки. Вот теперь я хорошо различал фрицев. Забегали они знатно. Знай наших, не все нас в землю втаптывать. Пушкар-и стреляли по моим командам аж двадцать минут, а затем просто отрубили связь. Не зная, что мне делать, послал Пашку к командиру. Вернулся тот быстро, уже через пять минут.

– Давай назад, командир приказывает отход...

– Как отход? – охренел я.

– Да так! – сплюнул Шустрый. – Приказ из штаба дивизии. Немцы вроде как левее обошли. Соседи не отвечают, наверняка их разбили. Короче, бежим отсель!

Сматывая ценный провод на катушку, кстати, повезло, что я его через лес прокладывал, не порвали, мы возвраща-

лись. Немцы, когда минами обкладывали, могли и повредить связь, а так все нормально, в лес-то они не стреляли.

Пока бежали назад, заметил, что стрельбы совсем нет. За-тихарились немцы, раны зализывают. Ну или подянку какую готовят. Может, и правы в штабе, что приказали отойти...

Только подумал о тишине, как вновь началась пальба. На этот раз гаубицы врага били вразброс по всем нашим позициям. Наверняка корректировщик где-то рядышком засел, когда и успел-то? Но нам было наплевать на это. На огонь противника, имею в виду. Правы все же оказались старшие командиры, отведя наши немногочисленные войска со старых позиций. Да, осталось нас совсем мало. Во взводах человек по десять. Очень много потеряли при последнем обстреле минометами.

Топать назад, что может быть хуже? В окопе хоть все понятно, либо сдохнем, либо нет, как говорится, пятьдесят на пятьдесят. А тут... Идем, неорганизованная толпа какая-то. Никто ведь не доводит до нас, что впереди, что позади. Ударить могут отовсюду в любой момент.

Получилось еще хуже. Ударили сверху. Немцы налетели как-то внезапно, даже «Воздух» никто не крикнул. Вокруг начали рваться бомбы, и в землю впивались снаряды из авиапушек. Близким разрывом меня швырнуло в сторону, и больше я Пашку не видел. Он шел справа от меня, оттуда же и ударная волна пришла. Нет, я не видел, чтобы его убило,

просто больше не видел парня. Да и никого, в принципе, из тех, кого знал.

Очнулся я, когда меня тащили. Господи, чего случилось-то? В голове звон, да, блин, какой! Я заорал, но не слышал сам себя. Тряска прекратилась, кажется, меня положили на землю. Надо мной склонился какой-то боец. Он открывал рот, видимо спрашивая что-то, но я не слышал его. Стало страшно. Что случилось-то? Боли в теле вроде нет, но слух... Полежав чуток, поняв, что ничего вроде не болит, попытался встать. Мне помогли, поддержали, и вовремя. Повело в сторону так, что еле удержался на ногах. Так, придерживая меня за руки и указывая направление, потопали вместе с другими бойцами. Мотало из стороны в сторону как пьяного, с трудом заставлял ноги идти прямо, спасибо бойцам, иногда придерживали. Впереди на носилках кого-то несли, сколько ни вглядывался, никак не мог разглядеть, кого именно, да и в глазах двоилось. Шли мы по окраине леса, укрываясь под деревьями. Погода хорошая стояла, я пришел в себя, но слух не появился. Через пару часов такого движения дорогу нам пересекла речушка. Наш отряд остановился, не зная, как быть. Кто-то рулил нашим сбродом, позже узнал, что это был начштаба полка. Причем не моего. Как я в нем оказался, вообще не понимаю. Всего тут, на берегу этой речушки, оказалось не больше тридцати человек. Уставшие, многие ранены, обессиленные люди просто упали на траву, не в силах идти дальше. Носилки лежали на земле. Осматриваясь, я до-

брался до них. На них, весь в бинтах, лежал человек, кто это, вообще не понятно. Даже звания не узнать, формы не видно, часть оборвана, часть скрыта под бинтами. Грязь, кровь, копоть, чего на человеке только ни было, а вот самого человека почти и не видеть.

Кто-то подтолкнул, указывая на реку. Посмотрев, увидел, что бойцы начинают переправу. Те, кто нес носилки, с хмурым видом смотрят на водную преграду. Ясно, боятся люди, самым бы не утонуть, а еще и носилки переть. Чувствуя себя уже неплохо, оглянувшись, посмотрел вокруг, нашел небольшое деревце, березку. Сломал ее, даже не обдирая ветки, пошел в воду и прошел всю реку, измеряя дно. Выйдя, направился прямо к носилкам. Взглянул вокруг, да и поднял на руки тело раненого с носилок. Мне не трудно, силушки-то Господь отмерил немало. Почему так поступил? Так глубины тут в речке от силы два метра. Бойцы только на середине плывут, буквально пару метров, весь остальной путь идут по дну. Рост у меня под стать силе, поэтому смело шагнул в воду. Поскользнувшись на скользкой глине берега, чуть не рухнул, но меня кто-то поддержал. Кивнул двум бойцам, что помогли, а те благодарно смотрели на меня. Ясно, из носильщиков. Когда скрыло сапоги и под ногами я уже чувствовал ил, а не скользкую глину, пошел уверенно вперед. На середине, задержав дыхание, я вытянул руки вверх, поднимая раненого, и погрузился с головой. Так и вышло, как предположил. Несмотря на ношу, я даже на середине не плыл, чу-

ток повело на течении, но удержался и удержал раненого. Да и, помогали мне, чувствовал поддержку. Так, медленно, но уверенно, я выбрался на противоположный берег и, отойдя от кромки воды, опустил на землю свою ношу. Раненый был плох, это видно. К сожалению, не слышу, стонет или нет, но в том, что он еще жив, я был уверен.

Пока снимал форму, чтобы выжать, меня то и дело отвлекали, похлопывая по спине и плечам. Показывали большой палец, в общем, благодарили. Подошел и начштаба, что-то говорил, но, увидев мой жест, а я указал руками на уши и покачал головой, просто пожал мне руку.

Рассиживаться нам не дали. Только-только отжал одежду, вылил из сапог воду, перемотал хоть и отжатые, но сырые портянки, и нас погнали дальше.

На этой стороне реки был сплошной лес, идти стало очень тяжело. Одежка сырая натирала везде, ногам, думаю, амбец придет, уже сейчас чувствую, как саднят пятки, что же будет дальше...

Слава богу, солнце покатилося на закат, становилось темно, и скомандовали привал. Я не слышал, мне по плечу похлопали и показали жестом – стой. Увидев, что все падают кто где, тоже опустился на траву. Для привала начштаба выбрал небольшую полянку в лесу, все уже сидели или лежали, никто не хотел что-либо делать. Осмотревшись, подумал, что надо все же сушить одежду, поэтому встал и побрел за дровами. На меня смотрели, но никто помогать не кинулся.

Да и ладно, сам справлюсь. Притащив приличную кучу веток, сучьев и даже одну маленькую тонкую, но полностью высушенную ель, я, похлопав себя по карманам, растерянно посмотрел по сторонам. Поймав взгляд одного из бойцов, показал жестом, как будто чиркаю спичку о коробок. Боец сунул руку в карман и бросил мне коробок. Спичек было мало, несколько штук, причем тоже не больно сухие. Собрал мелких прутиков, осторожно, стараясь не испортить спички, с третьей попытки разжег огонь. Прутики занялись весело, начали потрескивать и разгораться. Добавляя уже потолще, я разводил костер. Вскоре он уже горел высоким пламенем, и вокруг начали собираться люди. Срубив несколько веток с ближайшей сосны, я очистил их от иголок и, воткнув в землю в полутора метрах перед костром, развешивал одежду и сапоги. Вокруг стали за мной повторять. Кто-то брал горящую лесину и разводил новый костер, у одного-то всем сушиться неудобно.

Жрать хотелось... Блин, вот вроде хорошо, что я такой большой и сильный, но с едой... Вон бойцы схомячили по сухарю и сидят себе, а кто-то и спать завалился. Мне тоже давали, съел два, ни в одном глазу после них, только пить захотелось. Попробовал уснуть, не получалось, голод терзал, ел-то давно, а сил потратил много. Выручил боец, один из тех, кто носилки нес. Это он меня поддерживал на берегу и потом в воде. Протянул мне горсть сухарей и фляжку, блин, как же я был этому рад! Не хотел брать, но тот скорчил злую

гримасу, поясняя таким образом, что назад не возьмет, пришлось есть. После этого «застолья» я, наконец, уснул. Только вот проснулся быстро. Растолкали. Оказывается, уже рассвет забрезжил, пора было выдвигаться в путь. Сколько нам так топать, не знал, наверное, никто. Это сколько же вот так с июня топают, по лесам и болотам? Защитники хреновы, имеют нас, а мы только драпать. Недавно еще перед стариком оправдывался, дескать, мы не виноваты, пушек у нас нет... Да все мы виноваты, все. Надеюсь, простят нас те, кто из-за этих отступлений сорок первого остался во вражеском тылу и испытал на себе все прелести оккупации, а затем допросы НКВД.

Всю дорогу, а это был путь длиной в двое суток и хрен знает сколько километров по лесам и болотам, я подменял то одного, то другого носильщика. Тогда и узнал, что, оказывается, мы несем аж комдива. Ему перевязку делали, я знаки различия разглядел, а то так и не знал бы, кого несем. Как он оказался среди отступающих, я не знал, а мне не объясняли. Слух так и не появился, зато еще в первый день, когда я сушил одежду в лесу, обнаружил, что весь ворот гимнастерки и нательной рубахи у меня в крови. Из ушей текла. Переживания по поводу потери слуха закончились быстро, сменились тревогой о дальнейшей судьбе.

Выходили мы, конечно, странно. Начштаба вел нас вроде по карте, а на деле, похоже, сам не знал, куда идет. Ведь мы были, по сути, не в глубоком вражеском тылу, зачем такие

сложности? Но спрашивать, конечно, не стал, не мое дело. Но постоянно терзала мысль, почему нас просто не выведут на ближайшую дорогу? Уж по ней-то быстрее, наверное, добрались бы. Или нас снова влили бы в какую-нибудь новую часть...

Вот так по истечении двух суток мы и вышли к какому-то поселку. Оказывается, забрали настолько далеко на восток, что оказались не так и далеко от Новгорода. Вот это, мля, помотало! Практически сразу, как вышли к населенному пункту, появились какие-то личности в чистой форме, начались построения, козыряния, выговоры за нарушения формы одежды и прочее. Злы ли были бойцы? Да всем поровну было. Лишь бы отстали наконец да накормили. Больше думать пока не о чем было. Тебя матерят по уставу, а ты только стоишь с опущенным взглядом и молчишь. А я так и не слышал ничего, так что все одно было, чего мне говорят. Откуда знаю, что ругали? Ну, так бойцы, кто уже привык ко мне, пояснили на пальцах.

В санитарную роту меня, как и некоторых раненых из числа отряда, привели только спустя долгую процедуру допроса. Опросом это назвать было нельзя. Около двух часов меня мурыжили только на то, чтобы понять, вру я или нет насчет слуха. Когда, видимо, удостоверились, успокоились немного и стали писать. Я попробовал отвечать, но не слышал сам себя, поэтому отвечал так же письменно.

После допросов по пути в санроту наконец пообщался с

выжившими, до этого и писать было не на чем, да и не время было. Тут, выпросив пару листов бумаги, я их мелко нарезал и сложил в виде блокнотика, огрызком карандаша стал писать вопросы. Бойцы отвечали неуверенно, но одно я понял точно. Меня им передали, когда отряд проходил мимо разбитой части. Видимо, моей части. Кто передал, зачем и почему, не сказали.

Уши мне осмотрели, чем-то помыли, щекотно было. Слух не появился. Врач, серьезного вида мужик средних лет, долго качал головой и что-то бормотал, я видел лишь шевеление губ. Итогом посещения санроты стало получение бумажки, в которой указывалось, что красноармеец Некрасов направляется в госпиталь. Все. Куда, как добраться? Никто не сказал. Побрел обратно к комендатуре, где допросы проходил.

Особый отдел, а это оказался именно он, долго меня динамил. Ну, служащие, конечно. Отмахиваются все, всем некогда, бегают, суетятся. Пока сам не встал на дороге у какого-то молодца с кубарями в петлицах и шевронами на рукавах, так бы и не получил вменяемого ответа.

«С утра пойдет колонна в тыл, примкнешь к ней, вот бумаги», – написали мне и выдали еще одно направление, теперь уже от особого отдела дивизии.

Вечер близился к концу, всех, кто вышел вместе со мной из окружения, наконец покормили. К сожалению, обстановку на фронте узнать так и не удалось, никто не хотел со мной переписываться. Это немного злило, но я понимал ребят, все

устали и на взводе сейчас, а тут еще и я с вопросами лезу.

Найдя какой-то сарайчик, решил лечь спать до утра. Когда вошел, остановили, выставив кулак. Машинально схватил этот кулак и выдернул из темноты его обладателя. Паренек, средней комплекции, ниже на голову, но как он рвался в бой... Достал свой блокнот и написал, что хотел лишь лечь спать, конфликты мне не нужны. Тот что-то пробубнил, но больше не выступал. Он бы так на фрицев прыгал, как на меня. Короче, прилег в углу и уснул. Мгновенно и без сновидений. Ночью меня никто не зарезал, не пинал. Разбудили уже утром, толкнув в плечо и показав на выход. Там находились два бойца и, как только я вышел из сарая, стали что-то говорить. Написал, что не слышу. Они в ответ приказали идти с ними, так как колонна с ранеными скоро отправится. Пошел за ними. По пути у колодца умылся и привел себя в порядок.

Не понравилось отношение раненых, злые, откровенно злые взгляды и движения губ, матерят, наверное. Да все я понимаю, на вид здоровый, как Геракл, а иду с ними, но что мне было делать? Зато по пути помогал пересекать ручьи, выталкивал телеги из грязи и оврагов. В общем, мной пользовались всюду, но я был рад помочь, хоть какая-то польза от моей грубой силы.

Брести в обозе было скучно, а мне вдвойне. Идешь, как баран, ничего не слышишь, только глазами вертишь, а ничего не понимаешь. Уже к обеду я настолько разозлился сам на себя, что хотел вернуться обратно, просто сбежав. Удержало

то, что не было с собой красноармейской книжки. В особом отделе почему-то забрали, выдав направление-предписание в госпиталь. Указали все данные в бумаге, но удостоверение забрали.

К вечеру вышли к железной дороге и полустанку. Тут было много народу, суeta стояла такая, что я чуть не потерялся. Увидев издали бойцов в синих галифе и характерных фуражках, подошел к ним. Показал блокнот, где уже была запись: «Я глухой, вот бумага, что мне делать?» Получил ответ: «Жди тут. Прибудет состав, грузись в вагон».

Выбрав сухое место на земле, сел и стал ждать. Надоело быстро, да и жрать охота. Побрел искать съестное. Нарвался на очередную грубость в виде выталкивания меня из очереди к кухне. Полевая работала, повар что-то варил, запах стоял такой, что я забыл вообще обо всем. Ругаться не хотелось, да и как себе это представить, я не знал, поэтому просто сунул тому, кто меня выпихнул, известную бумажку. Нервный мужичок, что рулил в очереди, нехотя прочитал, посмотрел на меня, как обычно окинув снизу-вверх, и махнул рукой, разрешая встать в очередь.

Повар оказался просто зашибись каким хорошим человеком. Навалил мне полный котелок каши, еще и хлеба дал, аж полбуханки. Я ему написал, что сильно благодарю его, а он в ответ – что хотел бы помощи. Я пожал плечами и кивнул. Повар жестом дал понять, чтоб я кушал, а потом подошел, я так и сделал. Наелся... Наконец-то досыта. Вот реально, так

хорошо не ел уже давно, аж в брюхе тяжело стало, но это от того, что долго не ел. Жаль, нельзя насытиться впрок...

Вернувшись к раздаче, узнал, какая помощь от меня требуется повару. Не удивился. Котел отмыть нужно было, а мужик устал и помощников отправил куда-то. Ну что ж, мне не трудно, это ж всем на пользу. Занялся и скреб этакую алюминиевую дуру аж час, но зато после этого получил чуть не полсидора сухарей. В дороге пригодятся. Тем более, когда я заканчивал с котлом, уже пришел состав.

Напихали как селедку в бочки. Мне еще хорошо, я целый, а вот лежачим... Людей разве что друг на друга не клали, а так пипец как тесно. Состав еще этот... Название только. Семь вагонов-теплушек, что это за состав? Встал возле щели в дверях, так и простоял всю дорогу. А ехали долго. Усталость была, конечно, но здоровьем меня Бог не обидел, выносливостью тоже, вот и стоял. Да и не дали бы упасть-то, если честно, плотно нас тут набили, яблоку негде упасть. Сзади нары были, для лежачих, я к ним спиной прислонился и стоял, даже спал так.

Везли долго, так как несколько раз меняли паровозы и, как оказалось, направление. Все, амба, колечко немцы сделали на совесть, в Волхов, как говорили ранее, нам не попасть. Это мне паренек один написал, что рядом стоял.

Привезли в Тихвин, как оказалось, по пути к нам еще несколько вагонов прицепили, тащились больше двух суток. Не успели выдохнуть, всех вновь стали забивать в теплушки.

Куда теперь-то едем? Как мне надоело ничего не слышать, кто бы знал. В обычной жизни ведь нет полной тишины. Всегда есть какой-то фон, а тут... Если честно, то даже страшно.

Утащили нас аж до Череповца. Сгрузили тут самых легких, в их число попал и я, и наоборот, самых нетранспортабельных. Остальных, тяжелых, но не требующих немедленных операций, повезли дальше на восток, в Вологду, Рыбинск и дальше, вплоть до Ярославля. Почему такой разброс? Увы, не представляю.

Город Череповец в это время не был еще тем металлургическим центром края, каким станет совсем скоро. Пока, думаю, тут и десятка тысяч населения нет. Вскоре все тут круто изменится. Госпиталь был такой же небольшой, пропорционально самому городу. На меня все смотрели, как и ранее, с небольшим презрением. Ну а как еще? В госпитале был свой особист, оперуполномоченный, взялся за меня, приставив к делу. Так как все лечение у меня состояло лишь в том, что мне тупо замотали голову бинтом, я мог делать что угодно. Как пояснил врач, повязка нужна для поддержания сухости внутри уха. Я был спокоен как удав, так как понимал, что если бы что-то серьезное было, то были бы какие-то боли внутри, а у меня, в общем-то, ничего. Лишь голова кружится иногда, да не слышу ничего, а так все в норме.

Ох и побегал я тут, даже на учебе в артполке так не уставал. Разгрузка раненых, переноска их на операции и обратно, колка дров, блин, да все хозяйство было на мне

и еще трех выздоравливающих бойцах. Только через две недели, проснувшись ночью, я понял, что начинаю слышать. Проснулся от стонов и криков раненых. До этого-то мне было легко, не то что всем присутствующим в госпитале.

Как дождался утра, сам не знаю. Уже в шесть стоял под дверью кабинета дежурного врача, а когда к тому внезапно прибежала одна из сестер, я подорвался пройти вместе с ней. Остановила меня она же.

– Куда? А ну, назад! Павел Семенович занят!

– Сестричка, я слышать начал! – запричитал я. – Выпишите меня скорее!

– Это не тебе решать. Уйди, говорю, давай вниз быстро, там машина с тяжелыми пришла, сейчас срочно оперировать нужно. Помогай давай. – Я поплелся, куда послали. Вроде и рад был, но не покидало тревожное чувство, что нескоро тут мной займутся.

Во дворе меня ждали крики раненых, ох, как же они кричат, господи! Блин блинский, танкистов привезли, самое страшное, что тут видел. Когда их привозят, у всех сначала ступор. Иногда непонятно, где у них спина, а где грудь. Обгорают так, что трогать их – причинять еще большие страдания. Первого запомню навсегда, двое суток не спал после этого. Привезли тогда так же, на машине от станции четверых бойцов. А они... Блин, теперь я понимаю, почему они просят их пристрелить! Я б, наверное, тоже просил. Доктор тычет мне, бери, мол, и тащи, я тогда еще не слышал, а как?

Вроде осторожно так взял одного за руку, чтобы чуть приподнять, надо же было обхватить, а у него кожа слезает пластами, вместе с одеждой. Я тогда сдержался, аж двоих отнес, прежде чем меня так вывернуло, что я не только не спал потом два дня, а еще и не ел ничего. Как же это страшно-то... Воистину врачи – это какие-то особенные люди. Что-то с психикой у них не так устроено, в отличие от остальных людей. Как можно спокойно смотреть на внутренности, а? Ладно убитого, это одно, а раненого? Ведь ты же понимаешь, что он все чувствует, ему пипец как больно, а ты смотришь... Не понимаю. Поэтому сейчас я и бесился, требуя выписать меня, а то с ума здесь сойду.

До меня врач добрался только к восьми вечера. Размотал повязку, долго осматривал, а потом кивнул.

– Что, удрать хочешь? – устало подытожил нестарый еще доктор.

– А вы как думаете, товарищ военврач? – я говорил весь день без остановки, устал молчать за все время, что был без слуха.

– А ты нам так хорошо помогал... – скорее для самого себя пробормотал доктор. – Может, мне попросить, чтобы тебя здесь оставили, а, Некрасов? Ну ведь правда, подумай! Точно сам в таком виде сюда не приедешь. Да и пользы от тебя в разы больше будет. Ну сам посуди, засунут в пехоту, и сгинеешь через два дня...

– Док, вы чего? – охренел я и разозлился. А ведь доктор,

по сути, хочет мне жизнь спасти. Но я как-то не могу так, неправильно это.

– Эх, ладно, все ты понял. Тем более разрыв перепонки – это не царапина. Тебе надо быть в тишине, а ты на фронт собрался. Вероятность повторного повреждения очень высока. У тебя и так была опасная травма. Обычно при таком повреждении слух полностью не пропадает. Я ведь вначале думал, что все, у тебя разрушены кости внутреннего уха. А это конец слуху. Но вроде обошлось. Все же я должен оставить тебя еще на пару недель, чтобы быть уверенным в благополучном исходе.

– Нет, док, меня не поймут, – покачал я головой. – И так смотрят косо, а вы еще подливаете масла в огонь. Выписывайте, и баста!

– Ты мне тут еще указывать будешь? Поучи меня людей лечить. Сейчас приказ оформлю, получишь тогда! – угроза серьезная, без шуток. Врач может написать в особый отдел все что угодно, хотя бы нарушение дисциплины. Скажет, я тут бухой всегда, и все, пипец! Закатают тогда по полной программе, заманаешься хлебать. А еще хлеще, я тут узнал случайно, военврач вообще может мне ограничение поставить и, согласно ему, оставить меня в госпитале. Пахать! Мне это надо?

Плюнув на все, отправился к особисту госпиталя. Вроде мужик он нормальный, мы много общались, хоть и посредством бумаги и карандаша. Нашел нужного человека не

быстро. Тот где-то бегал весь вечер.

– Михал Степаныч, – взмолился я, – оклемался я, помогите!

– Ты чего, сдурел? – отшатнулся от меня особист. – Чего причитаешь?

– Отправьте меня на фронт, пожалуйста!

– А что доктор говорит? – лукаво так смотрит, словно издевается.

– Да разве наших докторов переслушаешь, – развел я руками. – Он много чего говорит, но мне на фронт надо. Ребята там воюют, а я тут...

– Завтра к обеду найди меня, постараюсь что-нибудь придумать. Я понимаю, тебе надоело раненых таскать да пахать тут, как раб на галере...

Эка он в точку попал! Хоть и пожилой мужик, а соображает почище любого молодого умника. Может, и впрямь поможет мне?

Сразу после обеда меня вызвал к себе начальник госпиталя и начал проверку. Тут же присутствовал и особист. Было видно, что осмотр для порядка проводят, они уже явно о чем-то договорились, но я выполнял все, что требовали. Закончив процедуры, меня отправили вон из кабинета. Ждал минут тридцать, прежде чем вышел особист со справкой в руке.

– Держи! Дуй оформляться, сегодня около семи вечера будет эшелон, едешь на нем!

– Понял! Разрешите приступить?

– Беги уже!

Оформление бумаг заняло совсем мало времени, уже к трем часам дня я был полностью свободен. Чтобы не давать повода военврачу припахать меня еще к каким делам, свалил на станцию. У меня были кое-какие деньги, купил поесть в дорогу, хлеба, пару банок тушёнки и лука.

Сказать, что я охренел от времени в пути, не сказать вообще ничего. Так долго в поезде я еще не ездил никогда. Оказывается, особист-то не уточнял, едем мы в объезд, а это... Мама дорогая, аж через мои родные места! Ну, почти. Короче говоря, к моему приезду немцы уже взяли Калинин. Охренеть не рассказать.

Сгрузили нас в Калязине. Нас – это целую дивизию. Весь путь сюда мы собирали людей. Вологда, Ярославль и далее по списку. Я сначала растерялся, но практически сразу узнал, что с моей воинской специальностью меня направят на формирование. Так и вышло. Хорошо хоть вновь ехать никуда было не нужно. Здесь, на окраине города Калязин, укомплектовывался новый арtpолк, точнее, наш дивизион, как объяснили, остальные батареи где-то рядом. Меня приняли хорошо, привык уже, на мои габариты даже старшие командиры смотрят с уважением. Да уж, не думал, что когда-нибудь буду привлекать столько внимания к своей скромной персоне. Как бы не зазнаться. Шучу.

К сожалению, в наводчики я опять не попал. Учиться-то

я учился, но вот написано в красноармейской книжке – заряжающий, будь любезен, служи, куда ставят. Ладно хоть не ящичным, и то хлеб. А ведь если бы попросил в госпитале особиста, то в новую красноармейскую книжку меня бы записали наводчиком, можно было так сделать, да я чего-то не догадался.

Тренировок почти не было, да и орудий тоже. Налегали на теорию и постоянно маршировали, чеканя шаг. М... вашу блин в транспорт! Как же так-то? Ладно, я немного опытный. Хотя бы в учебке отучился и стрельбы провел, а многие вообще не представляли, что им делать. Как будем воевать? Таскали телеги, изображая орудия и передки, а как еще? Ой да, навоюем мы тут.

В середине ноября нас погрузили на машины и отправили куда-то на запад. Ехали почти сутки. Где мы теперь, я уже не понимал. Выгрузили в какой-то дыре, на удивление тут была железнодорожная станция, и оставили ждать орудия.

Пушки прибыли... Господи, они что, из-под бомбежки, что ли? Все какие-то помятые, щиты пробитые, прицелов нет, в общем – жопа. Оказалось, на этой станции артмастерские находятся. Теперь нас разместили тут, будем ждать, когда закончат ремонт орудий. Ну и дела. Как же наши предки войну-то выиграли, а? Вроде бойцы есть, не хай какие спецы, но полный комплект, так в чем же дело? Работяги в мастерских прояснили ситуацию. Огромное количество артиллерии потеряно на занятых немцами территориях. Вон,

мои любимые МЛ-20 вообще почти не попадают, нет их новых, хоть тресни, зато есть пушки образца восьмого года, с колесами выше щита, такое, млять, удовольствие на них служить, аж за честь принимаем. Еще есть М-30, это пушка сто двадцать два миллиметра, если дадут их, придется переучиваться. Вот и получается, что удается вытащить при отступлении, направляют на ремонт и только потом передают по назначению. Ну не хватает на все новые части новых стволов, что ж поделать!

А ведь я раньше и не подозревал, что такое война... Да, думал, ушел в сорок первом и либо в землю, либо вернулся в сорок пятом. Казалось, на фронте ты только и делаешь, что воюешь. Стреляешь, взрываешь, наступаешь, отступаешь. А на деле? Если бы нас тогда на станции не расхреначили, может, я и побывал бы на фронте, а так? А ведь числюсь, что я на войне. Мама вон письмо прислала, правда, написано оно еще в августе, но нашло меня оно тут, в Калязине. Прочитал, даже всплакнуть хотелось. Брат погиб у меня, старший, Семен. Хотя и не сложились у меня с ним отношения, да и брат-то он моему новому телу, да только все равно сердце кольнуло как ножом. Еще в августе Семен попал под бомбежку, почти как я. Только я-то цел, а вот он... Мама пишет, чтобы берег себя, служил честно и бил поганых фашистов в хвост и гриву. А я? Мотаюсь тут, как говно в проруби. То учебка, то окружение и драпание. Теперь вот госпиталь, и опять сидим. Тяжко это, а делать что? Тот один день, что я воевал, как-то

не хотелось засчитывать себе в актив.

Через пару дней прислали наконец заместителя командира батареи, звали его лейтенант Васильев. Раньше его обязанности исполнял сержант, командир орудия. Теперь хоть учеба какая-то началась. Прямо в мастерских осваивали орудия, учились разворачивать и менять позицию, изготавливаться к стрельбе. Я-то все это уже проходил, мне чуть легче, а некоторым парням было тяжело. Радовало, что повреждения все же не фатальные, без заводского ремонта обойдемся, главное, пушка та, что я хорошо знал, а вообще батарея смешанная.

Голод. Черт возьми, кто бы мог подумать, что на войне будет что-то страшнее врага с его оружием. Всем постоянно хочется есть, а мне так и побольше других, наградили же Господь размерами. Нет, может, когда доберусь наконец до фронта, там забуду, что такое страх голода, но сейчас... А еще погода резко испортилась и начались морозы. Нам так и не выдали до сих пор ни ватников, ни валенок. Хотя и обещали. В шинелях холодно, ноги в сапогах мерзнут до боли. После занятий идем в палатку, ага, в них живем, как летом, млять, хорошо хоть печурки в каждой стоят, говорят, нам повезло. Но чтобы она хоть немного нагревала помещение, нужно топить просто без перерыва и сидеть возле нее. Чуть отойдешь к стене – замерзаешь. Спим прижавшись друг к другу и накрывшись всеми шинелями, так теплее.

– Некрасов, ты мне рассказывал, что обучался на навод-

чика? – вопрос замкомандира батареи застал меня врасплох. Возились с оружием, а тут, как чертик из табакерки, командир прискакал.

– Да, в учебке времени было много, освоил и панораму, – кивнул я, распрямляясь.

– Это хорошо, – покивал головой лейтенант Васильев. На вид, кстати, попутнее моего прошлого командира. Этот с опытом, тоже из госпиталя. Мужик крепкий, невысокий, лет двадцать семь ему, шинель, видевшая многое, такие же сапоги, стоптанные наружу, видно, что служил, а не выслуживался. – Наводчик первого заболел, заменишь его.

– Ясно, – кивнул я, – разрешите собрать вещи? – Я-то на втором оружии был заряжающим.

– Давай, – кивнул лейтенант.

Как это заболел наводчик? Кашляет, что ли? Так тут все дохают, как хор мальчиков-туберкулезников. А чем еще можно заболеть на войне? Привык уже как-то, не болеют тут люди. Как говорили в одном хорошем старом фильме, на войне не бывает бронхита. Удивились и другие ребята, невидаль какая-то.

Собрав нехитрые пожитки, чего там, сидор да старый карабин без патронов, который выдали уже здесь в рембате, и отправился к расположению второго оружия. Узнал, что буду опять на МЛ-20 служить. А то я таблицы помню только для них, а тут ведь еще и сто двадцать два миллиметра есть. Два таких у нас и два «больших» ствола. Смешанная бата-

рея. Что лучше, вопрос интересный. М-30, например, весит в три раза меньше, это жирный плюс, а по мощности и дальности МЛ-20 выигрывает. Хрен его знает, только повоевав, можно делать заключение. А мы ведь, как правило, даже не видим результатов своей работы. Это на передке командир, разведчики-наблюдатели еще что-то видят, а мы? На позиции только и видишь, что орудие и расчет, более ничего. А вот то, что М-30 часто на передке оказываются – факт. Их иногда используют против танков, это когда совсем труба. Как правило, если до этого доходит, значит, амба батарее и всему полку или батальону, что перед ней стоит.

Приняли и тут хорошо. Привык уже, меня везде хорошо принимают, это только начальство может быть таким смелым, чтобы докапываться. Рядовые бойцы к этому проще относятся, а уж мои габариты и вовсе вызывают у людей уважение. Просто к рослому и высокому человеку отношение всегда будет чуть лучше, чем к маленькому и тощему. Может, это осторожность, а может, и страх. Хрен их знает. Но вот сколько живу в этом теле, постоянно замечаю такое положение дел.

Закончили ремонт, дождавшись отправки только в конце месяца. На двух орудиях меняли стволы, а это не быстро, пока их с завода привезут. Да на одном накатник был серьезно поврежден. Так или иначе, но, получив на весь наш третий дивизион лошадей, отправились в путь. Дивизион у нас, как и сказал, третий, всего две батареи. Когда приедем, пушка-

рей с их семидесятишестимиллиметровками уведут на передок, ну а мы сзади. Говорят, уже недалеко тут фронт стоит, но бои идут страшные. Еще бы, помню я, что такое Калининский фронт, а везут нас, похоже, именно туда.

Да! Выдали наконец обмундирование зимнее! Точнее, ватники, шапки, свитера, валенки! Красота! Аж меньше стал хотеть есть. Тепло – это хорошо, а вот дорога по заснеженным полям – это пипец! Хорошо еще погода дерьмо, снег валит, а то бы вновь испытал на себе вражескую авиацию. Вот так и противоречишь сам себе, и плохо, что сугробы, и хорошо, снег идет – самолеты не летают. Пипец, блин.

Так и вышло, екарный бабай, мы приехали под Калинин, в тридцать первую армию. Сразу удивило то, что нас, гаубичников, подвезли к самому городу, дома стоят совсем близко. Удивило расхождение с тем, что помню из истории, ведь в это время Калинин уже должен быть захвачен, а тут немцы под городом, на западе, но взять не могут. Как это? И тут я вспомнил, уж не дошли ли мои писульки и не поверил ли написанному усатый вождь? До этого я как-то различий не видел, да и не слишком-то до нас доводили информацию по фронтам. А тут я уже участник и могу делать выводы. Выходит, данные из моих писем проверяли, а теперь что, наконец, стали действовать? Черт его знает, как так вышло. Посмотрим позже, будут ли еще изменения. Там, помнится, скоро наступление зимнее. Фрицы должны хорошенько нам вломить. Правда, сначала мы должны ударить, отгоним немно-

го, а вот потом начнется... Думаю, сразу станет ясно, приняли мои бумаги или нет. Если начнут войска дербанить, отводить на другие участки, там и увидим. Про тридцать третью я подробно писал, жаль такого командующего, как Ефремов, настоящий мужик.

Позиции нам командир дивизиона определил знатные, я аж сглотнул от обалдения. Когда уже наш батарейный лейтеха указал место, млять, в чистом поле, я только вздохнул. Они там что курят в штабе, а? И ведь не скажешь вслух ничего, не поймут. Хорошо хоть сам старший лейтенант, командир батареи Иванцов, был не лыком шит.

– Так, ребята, умирать нам рано, фрицев много, надо убавить, а для этого мы должны как можно дольше работать по ним. Значит... – это «значит» выразилось в смене позиций. Уходить восточнее нам нельзя, не поймут начальники, но с чистого поля отойти в низину, думаю, можно. Тягачей и тут не было, но были лошади и солдаты из батальона пехоты, так что ручками, ручками, лошадаками, да по глубокому снежку, десять тонн не сто, херня война, главное – вот это самое: маневры!

Расчистили площадку под наше орудие. Я возился с прицелом и привыкал к маховикам, один тяжеловато крутился, смазал. Ребята наводили маскировку. Сложность была еще та, нам сети зеленые дали. Во чудо-то, да? Парни натягивали их в струну, а сверху порошили снегом. Снег, в это время тихо лежавший себе на небе, видимо, увидев такую ересь,

сжалился и начал падать на нас. Хорошо, что мороз серьезный, а то была бы оттепель, у нас все сети провисли бы. А так хорошо припорошил. Правда, при первом выстреле весь этот пушок улетит...

Связисты наладили связь, и, как только сообщили замкомандира батареи об этом, нам полетели команды. Вот же, все думал, когда же фронт, когда воевать. А тут едва успели встать, как уже стрелять нужно. Командир батареи ушел с разведкой и связистами на передок, у него служба такая. На переднем крае обязательно должен быть наблюдатель, иначе куда стрелять?

Через час примерно, как встали, все это началось.

«Первое... Прицел сто... Осколочным... Один снаряд... Повторить... Влево двадцать-ноль... Батарее...»

И так далее. Я крутил маховики, дергал шнур, производя выстрел, кричал об этом, бойцы занимались перезарядкой. Интересно, мы хоть попадаем? Так и спросил у командира орудия.

– Говорят, что накрыли немецких минометчиков, они там нашим жить не давали. Стрелковый батальон там едва дышал без наших стволов, теперь не одни, поможем. Вроде как немцы танки подтягивают. Врагу нужно во что бы то ни стало взять город, вот и рвутся. Давно они тут бодаются, ну ничего, скоро всех расхреначим, – настрой у «замка» хороший.

Замкомандира батареи был весел и доволен. А с ним и мы. Хлопали друг друга по спине, радовались. Аж целых пятна-

дцать минут. Когда в сотне метров от нашего бугорка рванул снаряд, никто не обратил внимания. А вот когда второй уже за спинами...

– В укрытие! – сигнал прозвучал хоть и с опозданием, но все же вовремя. Бойцы, и я в том числе, стали залезать в свои норы, что были выкопаны рядом, когда вокруг наших позиций начали рваться снаряды. Щели, что мы подготовили для укрытия, были очень малы, земля мерзлая, да и времени не было, так что лежать было страшно.

– Где же наши, почему прошляпили корректировщиков? – крикнул я лейтенанту, он оказался в щели рядом со мной.

– А ты, боец, как хотел? Если у нас сидит наблюдатель, значит, и у врага он есть, – поучительно, абсолютно спокойно ответил замкомандира. – Как только стихнет все, оружие в зубы и назад, сейчас крикну ящичному, он дальше всех, пусть за лошадьми бежит, они как раз на запасной. Помнишь, где запасную оборудовали?

– Нет, – крикнул я в ответ, – я там не был, не успел. Пока с прицелом возился, координаты пошли.

– Ладно, бойцы покажут... – И тут раздался такой взрыв, что нас выбросило из щелей и кинуло на снег. Пытаясь осмотреться, понимал, что из сугроба я ни хрена не увижу.

– Куда полез? – вновь окрикнул меня лейтенант. Он уже был на ногах, осматривался по сторонам. – В четвертое оружие попали, суки. Точнее, в снаряды! Пушку снесло, расчет

погиб. Ждать не станем, вроде немцы начали в сторону уводить. Скорее всего, наше не видно с их позиции. Надо пользоваться.

Разрывы и правда гремели где-то в стороне. Бойцы нехотя вставали из сугробов и вылезали из щелей. Собрать все манатки было некогда, похватали разбросанные карабины и бросились к орудиям. Слава богу, наше не повреждено, повезло. Кстати, уничтожили немцы то орудие, что было крайним у нас, и, возможно, его было видно, там низина не такая, как у нас.

Тащили орудие по сугробам все вместе, даже замкомандира батареи помогал. Конягам тяжело было, но все вместе как-то вытянули. На новой позиции, это была окраина роши, я и еще два бойца начали устанавливать орудие, остальные таскают боеприпасы. Выстрелов мы сделали совсем немного, поэтому боезапас еще большой.

Не успели толком расположиться и установить орудие, примчался какой-то хрен на лошадке.

– Лейтенант, какого хрена ты тут валандаешься, а? Пехоте огонь нужен, ждут, их там живьем в землю закапывают, а вы драпаете!

– Не драпаем, а меняем позицию. Видели, одно орудие прямым накрытием снесло? – орал в ответ наш командир. – Прошляпили немецких корректировщиков, а теперь на нас срывается?

– Давай огонь, иначе... – Что «иначе», понимали все. Но

как дать пехоте того, что им нужно при отсутствии указаний по целям?

– Командир, мне что, по старым данным наводить? – чуть растерянно спросил я, когда орущий хрен на лошади убрался с нашей позиции.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.